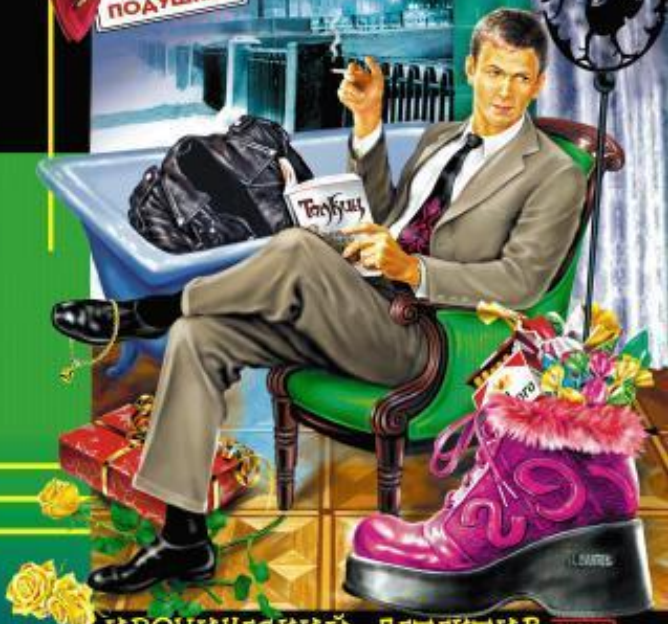


Дарья Донцова

Букет прекрасных дам

ДЕКАТИМЕН
СЫСКВ
ИВАН
ПОДУШКИН



ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Дарья Донцова
Букет прекрасных дам
Серия «Джентльмен сыска
Иван Подушкин», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118871
Дарья Донцова. Букет прекрасных дам: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-21098-5, 5-699-03108-1

Аннотация

Кто не знает всемирно известного сыщика Ниро Вульфа и его бессменного помощника Арчи Гудвина!.. Пожилая, но очень богатая бизнес-леди Элеонора, прикованная к инвалидному креслу, и ее личный секретарь Иван Подушкин очень напоминают эту парочку... Как-то декабрьским вечером Нора попросила Ивана встретить внучку. Риту на его глазах сбивает «Вольво» с заляпанными грязью номерами и скрывается с места преступления. После похорон Нора просит Ивана узнать, с кем провела последний вечер внучка. Он знакомится с Ритиной подругой Настей и понимает – она что-то скрывает. Явившись к ней, чтобы выяснить правду, он находит ее мертвой в ванной. Потом умирают еще пара приятелей Риты. Их смерть кажется естественной, но Нора считает, что их, как и ее внучку, кто-то убил, и поручает своему «Арчи Гудвину» все выяснить...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	53
Глава 6	68
Глава 7	80
Глава 8	92
Глава 9	105
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Дарья Донцова

Букет прекрасных дам

Глава 1

Не храните конфеты в ботинках! Большинство людей, услышав эту фразу, начинают вертеть пальцем у виска и весело хихикать, намекая на то, что сие заявление абсурдно. И впрямь, кому в голову придет засовывать шоколадки и карамельки в штиблеты. Всем очевидна глупость такого поступка!

Вздыхнув, я подошел к подземному переходу. С неба валил снег, и ступеньки покрывал толстый слой жидкой грязи. Запросто можно поскользнуться и загреметь вниз на пятой точке, сломав руку или ногу. Перед глазами мигом возникло видение: вот я, в добротном пальто, лежу у подножия лестницы и издаю громкие стоны. Богатое воображение – это моя основная беда. Стоит подумать о какой-то ситуации, как она мигом появляется перед глазами.

Впрочем, переломать себе конечности этим вечером не хотел никто. Женщины, спускавшиеся в метро, все как одна держались за поручни. Вот оно, преимущество принадлежности к дамскому полу. Совершенно естественно, если нежное существо осторожно хватается за перила, но мужчине

этого делать никак нельзя. Ну не могу я себе позволить уцепиться за перила и ползти вместе с тетками по обледенелым ступенькам, хотя это было бы разумно. Почему? – спросите вы. А потому. Не хочу быть смешным. И вообще – не храните конфеты в ботинках!

Кое-как я спустился вниз и направился по переходу на ту сторону проспекта. Справа и слева сверкали витрины ларьков. Плохая погода загнала в переход всех тех, кто обычно стоит снаружи: бомжей, ищущих пустые бутылки, студентов из ближайших институтов и даже мамаш с детьми. Последние тарасились на витрины и ныли, выпрашивая шоколадки, жвачки и игрушки. Студенты же, как всегда, были пьяны, впрочем, когда я проходил мимо одной группки, мне в нос ударил сладковатый запах «травки». Вот как странно устроен человек! Фраза о конфетах в ботинках заставляет его хохотать, но ведь есть и другие, столь же очевидные, истины. Не кури – заработаешь рак легких, не пей – превратишься в алкоголика, не употребляй наркоту – станешь слабоумным... Но отчего-то люди, услышав эти фразы, не смеются... Впрочем, сам я курю, правда, к горячительным напиткам совершенно равнодушен, наркотики же не пробовал и, честно говоря, не испытываю ни малейшего желания проделать это в ближайшее время.

Переход закончился, я вышел наверх, завернул за угол, прошел вперед по проспекту и встал у киоска «Роспечать». Сейчас сюда приедет Рита, восемнадцатилетняя внучка мо-

ей хозяйки Элеоноры. Мне велено встретить ее здесь, в относительно людном месте, и проводить до дома. Элеонора боится, что ее любимицу изнасилуют или ограбят, напугав до полусмерти. Хотя Рита сама нарывается на неприятности. Одевается она так вызывающе, что при взгляде на ее открытые почти до пятой точки ноги желание затащить девицу в кусты возникает почти у всех представителей мужского пола. Рита знает о том, что хороша, и всю пользуется этим. Кофточки она носит короткие и облегающие, мне все время кажется, что они сейчас лопнут на ее довольно пышном бюсте. Про юбки я уже говорил, впрочем, в брючки она, наверное, влезает с намыленными ногами, потому что штанины обтягивают ее, словно вторая кожа. И неизвестно, что выглядит более сексуально: голые колени или «кожаные» ножки? Еще господь наградил ее хорошенькой мордочкой, пышными кудряшками и полным отсутствием ума... Но с такой бабушкой, как моя хозяйка Элеонора, мыслительные способности Рите не понадобятся никогда. Она просто будет бездумно тратить капитал, который нажила Нора.

– Вава, – раздалось с той стороны пустой улицы, – Вава, ты ждешь?

Я повернул голову, веселая Риточка махала мне рукой.

– Что такой мрачный? – верещала она. – Извини, опоздала...

И она стала спокойно, не торопясь, пересекать проезжую часть. Этой улицей редко пользуются водители, в двух шагах

шумит многолюдный проспект, а здесь тишина, сонное царство. Но троллейбус, на котором прикатила Рита, останавливается именно на этой пустынной магистрали, в самом подходящем для разбойника месте.

– Не грусти, Вава! – орала Рита, вышагивая по шоссе. – Чего нос повесил?

Я демонстративно отвернулся в другую сторону. Вава! Меня зовут Иван. К простому мужицкому имени прилагается звучная фамилия Подушкин. Род мой известен издавна. Бояре Подушкины были одними из тех, кто возводил на трон Михаила Романова. Поколения Подушкиных верно служили царю и отечеству, больших чинов не имели, но пользовались уважением и были стабильно богаты. В 1917 году почти весь род сгинул в пучине революции. Чудом выжил только мой отец, ему еще не исполнилось и года, когда в имение Лыково, расположенное под Петроградом, ворвался отряд красноармейцев и перестрелял «проклятых буржуев».

Моего папеньку спасла повариха, у которой недавно умер от крупа младенец. Когда возбужденные пролетарии ворвались на кухню, они увидели толстую бабу в цветастой юбке. На коленях у нее лежал младенец, сосущий необъятную грудь.

– Тише, ироды, – замахала бабища руками, – дите перебудите, закатится ща воплем, вам лялькать дам!

Солдаты на цыпочках ушли в комнаты и стали грабить барские покои. Примечательно, что никто из слуг не выдал

Анну. Ни камердинер, ни лакеи, ни горничные. Впрочем, прислуга, жившая в имении много лет, глубоко переживала смерть хозяев. Вместе с кончиной Подушкиных лопнуло и благосостояние обслуживающих их людей. Никакой радости от свершившейся революции они не испытывали.

Анна, прихватив младенца Павла, подалась в Москву, где проживала ее старшая сестра Нина. Сначала они голодали, как все, потом жизнь потихоньку наладилась. Аня устроилась на фабрику, стала ткачихой, уважаемым человеком, получила целых две комнаты в коммуналке. Павла она выдала за своего сына. Может быть, поэтому, а может, потому что фамилия Подушкин звучала для пролетарского уха простецки, отца моего не коснулись репрессии. Оболенские, Вяземские, Волконские... Вот этим не повезло, уже одна фамилия вызывала классовую ненависть. А Подушкин? Никому и в голову не приходило, что ее обладатель дворянин в двенадцатом колене. Впрочем, большевики не слишком хорошо разбирались в фамилиях. Помню, как удивлялся в свое время мой отец:

– Надо же, отправили первым в космос Гагарина!

Я полюбопытствовал:

– А что тут странного?

– Видишь ли, Ваняша, – ответил папенька, – были на Руси князя Гагарины, известный, старинный род. Сомневаюсь я, что Юрий Алексеевич, наш первый космонавт, им не родственник. Ну сам посуди, в тысяча девятьсот шестьдесят

первом году ему было двадцать семь лет, значит, родился он в тысяча девятьсот тридцать четвертом... Нет, он точно из тех Гагариных, какая-нибудь дальняя ветвь. Недоглядели коммунисты... А может, специально так сделал тот, кто желал, чтобы героем стал дворянин.

Я не обратил тогда на слова отца никакого внимания. Папеньку частенько заносило. У любого человека, сделавшего в жизни маломальскую карьеру, он искал благородные корни и именно их наличием объяснял успех. Кстати, сам папенька был человеком талантливым, изумительно владеющим словом. Способность его к литературе отмечали еще в школе. Как «кухаркин ребенок», он без всяких проблем поступил в свое время в Институт философии, литературы и искусств, легендарный ИФЛИ, в стенах которого обучался весь цвет интеллигенции. Отец получил диплом в 1940-м и, имея безупречное пролетарское происхождение, устроился на завод, по-моему, станкостроительный, в редакцию многотиражной газеты. В анкетах он указывал имена своих «родителей», в графе «Происхождение» сообщал: из рабочих. К тому же совершенно хладнокровно писал: «Отец погиб во время Гражданской войны, воспитан матерью, заслуженной ткачихой, орденоносной». И это было святой правдой. Анна к тому времени стала уважаемым человеком и, несмотря на возраст, продолжала бегать по цеху между станками. Не было никакого лукавства и в фразе о погибшем отце. Ведь он и впрямь сгинул в горниле революции, просто папенька ни-

когда не упоминал, на какой стороне он сражался, а у читавших анкету вопросов не возникало.

Всю Отечественную войну отец благополучно пересидел на заводе, получив бронь. В 1952 году его взяли сначала в «Труд», потом в «Литературную газету», начался его карьерный взлет. Во время оттепели папа опубликовал первый роман. Критика, хоть и отметила легкую «сырватость» вещи, в целом приняла ее благосклонно. Так он стал писателем. «Живой язык», «яркий слог», «увлекательное повествование» – вот цитаты из газет 60-х годов, посвященные Павлу Подушкину. Но, кроме литературного дара, у отца было редкое трудолюбие и почти патологическое усердие. Из глубин памяти всплывает картина. Вот я, маленький мальчик, подглядываю в щелку, приоткрыв дверь кабинета отца. Услышав скрип, папенька поворачивается и, улыбаясь, говорит:

– Что, дружок любезный? Иди, иди, мне еще надо поработать.

Будучи подростком, я как-то спросил у него:

– Неужели тебе не надоедает целый день сидеть за столом?

– Понимаешь, Ваняша, – ответил отец, – господь дает многим людям шанс, только большинство бездарно растрчивает талант. Зайди в Дом литераторов, да спустись в буфет, в подвал. Там за столиками сидят одни и те же люди, каждый день говорящие о своей талантливости и исключительности, только дальше праздной болтовни дело-то не идет.

Отец писал исторические романы, выбирая для своих повествований совсем уж далекие времена, десятый век, например. Успех его книги имели фантастический, в особенности у дамской аудитории. Теперь я понимаю, что на книжном рынке СССР это были единственные любовные романы. Читательницы млели от описания замков, пиров и отважных викингов. И, конечно же, от постельных сцен. В целомудренной советской стране они считались почти порнографией, но отец ухитрился договориться с редактурой и цензурой, поэтому читатели замирали, смакуя детали. Впрочем, посмотрев кое-какие его книги сегодня, должен сказать, что ничего крамольного в «сексуальных» страницах я не увидел. Дальше описания обнаженного тела героини и поцелуев отец не шел. Но вы не забудьте, какие годы стояли на дворе, конец шестидесятых. Женщин в брюках не пускали в ресторан, бородатым студентам декан, словно Петр Первый, велел немедленно избавляться от растительности на лице. Папины книги уходили влет, и мы великолепно жили, имея все атрибуты богатства тех лет: четырехкомнатную квартиру возле метро «Аэропорт», дачу в Переделкине, «Волгу» с шофером, «кремлевский паек» и отдых в Болгарии.

В 1984 году отца не стало. Дачу отобрали, но маменька не очень переживала. На руках у нее имелась тугая сберкнижка. Я еще раньше выбрал себе специальность поэта и поступил в Литературный институт. А в год смерти отца я его как раз окончил, и последнее, что сумел сделать в этой жизни папа, —

это пристроить меня редактором в журнал «Литературный Восток».

Что было потом, известно каждому. Перестройка, резкий скачок цен, бешеная инфляция... Мы с маменькой разом стали нищими. Матушка моя – актриса, разбалованная отцом до безобразия. Впрочем, о ней как-нибудь в другой раз.

Поверьте только, что несколько лет нам приходилось ой как несладко. Я пристраивался в разные издания, но все они благополучно прогорали. Можно было, конечно, наняться в процветающий «Господин Н» или «Вашу газету», но меня воспитали таким образом, что при виде подобных изданий к горлу подступала тошнота. Пару лет мы перебивались с хлеба на квас. Стихи были совсем не нужны в новых, стихийно возникающих издательствах. Красота слова, завораживающие рифмы, на все это современным Сытиным¹ было глубоко наплевать.

Время поэзии минуло вместе с Серебряным веком, современное поколение выбирает пепси, детективы и триллеры. Только не подумайте, что я осуждаю кого-нибудь. Нет, просто констатирую факт: поэты в нынешней действительности – лишние люди, а стихи – совершенно непродаваемый товар. Впрочем, Союзы писателей (их теперь то ли семь, то ли восемь) иногда выпускают поэтические сборники, но чтобы попасть на их страницы, нужно таскать бутылки конья-

¹ Сытин И.Д. – крупнейший издатель и книготорговец царской России. (Прим. автора)

ка составителю, хитрить, ловчить, отпихивать локтями конкурентов... Увольте, сие не для меня. Я, наверное, истинный графоман, потому что получаю удовольствие от процесса вождения ручкой по бумаге и совсем не горю желанием увидеть свое произведение напечатанным. Графомания – это любовь к письму, о чем все сейчас благополучно забыли. Истинных графоманов мало, они редки, как алмаз «Орлов». Люди, осаждающие редакции и издательства с криком: «Напечатайте!», не имеют никакого отношения к графоманам. Это жаждущие славы и денег...

– Эй, Вава, – продолжала орать Рита, – не дуйся, котик! Пошли тяпнем пива на проспекте!

Я повернул голову в ее сторону и хотел уже было ответить: «Ты же знаешь, я не люблю спиртного», – но в ту же секунду слова застряли у меня в глотке.

Из-за угла на бешеной скорости вырвалась роскошная черная иномарка, лаковая, блестящая, с приподнятым багажником и тупым носом. Что-то в ней показалось мне странным, но что, я не успел понять, потому что машина на огромной скорости ринулась к Рите. Девчонка взвизгнула и побежала, но машина, быстро вильнув в сторону, догнала ее. Раздался глухой удар. Тело Риты взлетело в воздух и стало падать. Я в ужасе смотрел на происходящее. Действие, казалось, заняло целую вечность. Сначала мостовой коснулась ее голова, ударившись об асфальт, тело девушки подскочило и вновь опустилось на землю со странно, ужасно вывер-

нутой шеей. Падение сопровождалось жутким, шлепающим звуком. Красивые ботиночки с опушкой из меха отлетели от владелицы метров на сто, там же оказалась и сумочка, раскрывшаяся от удара. Бог мой, какую только дрянь женщины не таскают с собой: расческа, пудреница, губная помада, конфетки, кошелек, носовой платок, плюшевая собачка, плеер – все лежало в декабрьской слякоти. Кое-как оторвавшись от созерцания вещей, я перевел глаза на Риту и почувствовал, что земля уходит у меня из-под ног.

Девушка лежала на спине, широко разбросав руки и ноги, голова ее была повернута на сто восемьдесят градусов, лица я не видел, впереди парадоксальным образом оказался конский хвост из роскошных кудряшек, и в темноте было заметно, как быстро растекается под трупом черная глянцевая лужа.

Откуда ни возьмись появились люди, понесли сочувственные возгласы, охи и ахи, мне же на голову словно опустилась толстая, меховая шапка, и предметы отчего-то потеряли четкие очертания. Прибыла милиция, один из патрульных оглядел кучу вещей, вывалившихся из сумку на мостовую, и крикнул:

- Похоже, паспорта нет, оформляй как неизвестную!
- Тут какая-то сила разжала мои челюсти, и я просипел:
- Ее зовут Маргарита Родионова...
- Вы знаете погибшую? – обрадовался представитель закона.

Я кивнул. Милиционер окинул меня взглядом и неожиданно проявил сочувствие:

– Идите в патрульную машину.

Я покорно влез в бело-голубой «Форд», ощущая странную оступелость. Никогда до сих пор не имел дело с правоохранительными органами, разве что обращался в паспортный стол. Но я наслышан о том, какие порядки царят в среде синих шинелей. Однако о мужиках, приехавших к месту происшествия, не могу сказать ничего плохого. Они были предупредительны и даже сунули мне в руки банку с кока-колой.

Кое-как справившись с эмоциями, я начал отвечать на бесконечные вопросы. Марку машины не знаю. Могу описать дизайн: агрессивный, багажник тупой, приподнятый...

– Такая, – ткнул пальцем один из дознавателей в проезжающую мимо иномарку.

– Да, только черная.

– Значит, «Вольво», – пробормотал парень, назвавшийся Алексеем. – Номер заметили?

Я покачал головой, и в ту же секунду до меня дошло, что было странным в автомобиле. Машина была чистой, сверкающей, ее явно только что вымыли, а номера оказались заляпаны грязью. Я не успел рассказать об этом милиционерам, потому что в моем кармане ожил мобильный.

– Ваня, – раздался высокий, резкий голос моей хозяйки Элеоноры, – где ты? Сколько времени можно идти от проспекта до дома? Поторопись! Чем вы там занимаетесь?

Я смотрел на трубку. Честно говоря, я никогда не вру, но не потому, что являюсь таким уж принципиальным, нет, просто, если всегда говоришь правду, живется легче. А то соврешь что-нибудь, потом забудешь... Но сейчас невозможно было чистосердечно ответить Элеоноре, не могу же я заявить: «Чем занимаюсь? Даю показания милиции, рассказываю о смерти вашей внучки». Поэтому пришлось мямлить:

– Тут, в общем, неприятность....

– Какая?

– С Ритой.

– Она опять напилась?

– Нет, нет, выглядела трезвой.

– Почему ты говоришь о ней в прошедшем времени?

Я замолк.

– Отвечай же, – настаивала Нора, – ну, быстро, говори!

Когда со мной начинают беседовать командным голосом, я, как правило, теряюсь и машинально выполняю приказ, но сегодня промолчал и посмотрел на Алексея. Милиционер вздохнул, взял трубку и официальным голосом сказал:

– Капитан Резов. Насколько понимаю, вы родственница погибшей Маргариты Родионовой...

Я закрыл глаза и, ощущая легкую тошноту, прислонился головой к стеклу. Слава богу, роковое слово «погибшая» было произнесено не мной.

Глава 2

Прошла ужасная неделя, наполненная неприятными хлопотами: похороны, поминки, соболезнования. Все друзья и знакомые, а их у Норы были тучи, бились в рыданиях, моя маменька, прибывшая на панихиду под огромной черной вуалью, упала в обморок, когда гроб понесли к выходу из церкви. Я, естественно, кинулся приводить ее в чувство, но в глубине души был уверен, что она просто решила не упустить момент, чтобы оказаться в центре внимания. Как у всякой актрисы, у нее острая тяга к публичности. Впрочем, на церемонии стало плохо еще одному человеку, профессору Водовозову. Но заподозрить Льва Яковлевича в неискренности невозможно. Он старинный друг Элеоноры, принимаемый в доме на правах родственника. Иногда мне кажется, что у них был бурный роман, Нора временами так странно смотрит на мужика... Впрочем, сейчас ни о каких амурах речи не идет. Моей хозяйке шестьдесят пять лет, а сколько Водовозову, не знаю, но, думаю, не меньше.

Когда роскошный гроб с телом Риты стали втаскивать в катафалк, профессор побледнел до синевы и схватил меня за руку ледяными пальцами.

– Сейчас принесу валокордин, – сказал я.

– Не надо, Ваня, – ответил Водовозов, – само пройдет.

Спокойствие сохраняла одна Нора, командовавшая со-

трудниками похоронного агентства и официантами, нанятыми на поминки. Кое-кто из гостей даже осудил свою хозяйку, не пролившую ни слезинки, но я-то знал, что по ночам, запершись в своей спальне, Нора плачет. Просто у нее такой характер, она не станет демонстрировать горе прилюдно.

Именно благодаря своим личным качествам Элеонора добилась успеха в жизни. Моя хозяйка фантастически богата, ей принадлежит куча всяких заведений, парочка газет, две радиостанции, несколько магазинов... Всего и не перечислить. Состояние она начала наживать в 1986 году буквально с нуля, открыв один из первых кооперативов по пошиву женских блузок. В создание производства она вложила всю имеющуюся наличность, влезла в долги, продала машину и дачу, оставшуюся от покойного мужа. Стоит подивиться ее чутью бизнесмена, ведь до перестройки Нора работала преподавателем математики в каком-то заштатном институте и никогда не имела ничего общего с коммерцией.

С тех пор ее дела постоянно идут в гору, она выдержала дефолт и, по-моему, стала только богаче тогда, когда остальные бизнесмены разорились.

Но, очевидно, господь считает, что в жизни каждого человека должно быть поровну зла и добра. Норе потрясюще не везло в личной жизни. Ее муж, кстати тоже профессор математики, погиб в автомобильной катастрофе. Год я вам точно не назову, что-то в начале восьмидесятых. Его смерть открыла череду несчастий. Через два года двадцати-

двухлетняя дочь Норы, красавица Олечка, решила родить ребенка незнамо от кого. Сколько мать ее ни пыталась, Олечка не открыла ей имени отца ожидаемого ребенка. Отделывалась фразами типа: «Это будет только мое дитя» и «Я с ним не успела познакомиться как следует». Я думаю, что в конце концов бы Элеонора «сломала» Ольгу, заставив ее назвать имя любовника, но, родив Риту, Оля скончалась. Нора забрала младенца к себе и превратилась в бабушку-одиночку. Наверное, за все несчастья господь и послал ей редкую удачливость в делах. Нора, словно царь Мидас, превращает в золото все, к чему прикасается, деньги так и липнут к ней, она ухитряется без конца придумывать новые выигрышные проекты.

В 1990 году на нее обрушилось новое несчастье. Было время дикого передела собственности, и Нора перешла дорогу каким-то крутым парням. Не особо сомневаясь, они наняли киллера, который и подстрелил женщину. Но то ли за дело взялся не профессионал, то ли Норе в очередной раз повезло, только она выжила, потеряв, к сожалению, возможность ходить. Врачи долго говорили, что при таких ранениях позвоночника больные, как правило, превращаются в «овощи», прикованные к постели. Но они просто не знали Элеонору. Через три месяца она села, потом за огромные деньги выписала из-за океана суперсовременную инвалидную коляску. Чего только не умеет делать ее «машина», она у нее уже третья по счету, Нора постоянно покупает себе новей-

шие модификации. Последняя, например, запросто шагает по лестнице. И еще она оборудована особым устройством, которое мигом поднимает сидящую Нору на один уровень со стоящими на ногах людьми. Мне кажется, что инвалиды, смотрящие на всех снизу вверх, должны ощущать некий комплекс неполноценности... Впрочем, моя хозяйка лишена всяческих комплексов, и еще она не теряет надежды когда-нибудь встать на ноги.

Меня она взяла на работу почти десять лет назад. Норе потребовался секретарь-мужчина, неженатый, способный жить в одной квартире с ней, то есть не шумный, не грязный и не хамоватый. Насчет курения никаких ограничений не было: Нора сама дымит как паровоз. Она не прочь пропустить и рюмочку, а еще моя хозяйка обожает детективные романы, я скупаю ей все новинки, и она весьма невоздержанна на язык. Первое время меня страшно коробили многие ее выражения. Теперь, правда, я привык и не вздрагиваю, когда она кричит утром горничной:

– Лена, твою мать, дрыхнешь? Давай на рысях сюда, жопа безмозглая.

В доме у Норы я занимаю особое место, с одной стороны, я, безусловно, не прислуга. Я сижу вместе с хозяйкой за одним обеденным столом, мои рубашки стирает и гладит горничная Лена, а кухарка Туся всегда интересуется: «Иван Павлович, вы будете на ужин омлет или стготовить для вас чего посытней?»

Мою комнату убирают, а машину, на которой я езжу без всякого удовольствия, моют. С другой стороны, я получаю от Норы весьма хорошую зарплату и обязан выполнять все приказы хозяйки. Естественно, на рынок за картошкой меня не посылают. В мои обязанности входит вести переписку. Нора занимается благотворительностью, она основала специальный фонд, куда поступают заявки от неимущих.

Моя хозяйка никогда не помогает организациям и учреждениям, только конкретным лицам, и я должен вести переписку с теми, кто хочет получить помощь. Еще частенько приходится ездить к этим людям и лично проверять, так ли уж они нуждаются, как рассказывают.

Кроме того, я делаю всякую ерунду: пишу для Риты доклады по русской литературе, а когда она училась в школе, вдохновенно ваял сочинения. Ночами, когда Норе не спится, она просит меня почитать ей вслух. Как правило, это бывают ее любимые детективы. Естественно, она может и сама взять в руки книгу, но, наверно, Элеонора чувствует себя иногда одинокой, поэтому и велит мне садиться в кресло под торшером с томиком Рекса Стаута в руках.

Еще я обязан просматривать кучу газет и журналов, включая самые низкопробные, и отмечать все, что представляет интерес для хозяйки: у Норы нет времени на изучение прессы, но ей надо быть в курсе событий. Еще я развлекаю гостей во время вечеринок... Одним словом, как понимаете, работа у меня непыльная, оклад отличный, а Нора не самый

отвратительный вариант начальницы. Может, кому-то и покажется нагрузкой жить в одном доме с работодательницей, но я доволен. Ведь иначе мне пришлось бы обитать вместе с маменькой, а это, поверьте, намного хуже.

За несколько лет, проведенных с Норой под одной крышей, я научился понимать ее с полуслова, даже с полувзгляда. Поэтому, когда сегодня она вкатилась в мою комнату и со светской улыбкой на безукоризненно намакияженном лице заявила:

– Ваня, есть разговор, – я сразу понял, что она находится в сильном волнении.

– Слушаю вас, – сказал я и встал.

– Садись, – махнула рукой Нора, – не разводи китайские церемонии, дело есть.

Я сел и посмотрел на хозяйку. Кажется, я ошибся, она совершенно спокойна, просто, очевидно, заболела: глаза лихорадочно блестят, а на щеках проступают красные пятна.

– Ты можешь еще раз рассказать мне о наезде?

Я замялся.

– Понимаю, что заставляю тебя вновь вспоминать не слишком приятные события, но очень надо, – тихим голосом продолжила Нора.

Я вздохнул и в который раз начал повествование:

– Рита сошла с троллейбуса и пошла ко мне.

– Она ничего не говорила?

– Нет, только крикнула: «Вава, извини, опоздала» или

что-то в этом роде.

– Ты, конечно, обозлился на дурацкую кличку, но вида не подал, – усмехнулась Нора.

Я пожал плечами. Какой смысл обижаться на Риту? Она бы только стала хохотать. Если кому-то нравится называть меня идиотским детским прозвищем, пожалуйста.

– Дальше, – поторопила Нора.

– Ну, она шла по проезжей части...

– Машины были?

– Ни одной. А потом невесть откуда вылетела «Вольво», или вылетел, я не знаю, как правильно сказать.

– Насрать на чистоту речи! – рявкнула Нора. – Откуда ты знаешь, что это был «вольвешник», ты же вроде в автомобилях не слишком разбираешься?

– Милиция сказала.

– Дальше!

– Ну и все! Он на нее наскочил, автомобиль.

– Рита не заметила машину?

– Увидела и даже попыталась убежать, но та все равно ее сбила!

– На пустой широкой дороге! Тебе не показалось это удивительным?

Я вспомнил, как тупорылое авто вильнуло вслед за несущейся к тротуару девушкой, и осторожно сказал:

– Вероятно, водитель был пьян. Честно говоря, мне...

– Говори!

– Видите ли, «Вольво» казался безукоризненно вымытым, прямо сверкал весь, а номера были заляпаны грязью...

– Вот! – стукнула кулаком по подлокотнику кресла Нора. – Вот и я про то же! Риту убили.

– Ну что вы, – попытался я образумить хозяйку, – девушка, молодая, никому в жизни не сделала зла, коммерцией не занималась, жила как птичка, не мешая другим. Ну зачем лишать ее жизни?

– Вот это-то главный вопрос, – протянула Нора и побарабанила пальцами по подлокотнику, – очень, очень интересный вопросик, и мне хотелось бы знать на него ответ...

Повисла тишина. Моя хозяйка уставилась в незанавешенное окно, подергала себя за волосы и заявила:

– Ладно. Значит, так, Ванечка, я теперь ни есть, ни спать не смогу, пока не докопаюсь до истины.

– Что вы имеете в виду? – решил уточнить я.

Элеонора вытащила из кармана пачку сигарет, золотой «Ронсон», и, щелкнув зажигалкой, спокойно ответила:

– Буду искать убийцу Риты.

Я попытался вразумить Нору:

– Дорожное происшествие вещь распространенная. Капитан Резов, ну тот, что составлял протокол, сказал мне: если водитель, сбивший человека, сам не остался на месте происшествия или если свидетели не запомнили точно номер, то найти преступника практически невозможно.

– Мне насрать, кто ее сбил, – прошипела Нора.

Я оторопел:

– Как это?

– Просто, глубоко плевать на того, кто сидел за баранкой, гораздо интересней узнать, кто заплатил киллеру. Меня волнует не исполнитель, а заказчик, понял?

– По-моему, вы слишком усложняете ситуацию, – осторожно начал я, – дело было вечером, шофер, скорее всего, пьяный...

– Ее убили, – спокойно заявила Нора.

– Это мнение милиции?

– – рявкнула Элеонора, – милиции! Тоже мне, блин, специалисты фиговы! Да они там все твердят, что Рита нарушила правила дорожного движения. Перелезла через железное ограждение и пошла через дорогу. Следовало направиться к пешеходному переходу, а тот в двухстах метрах от места происшествия. Да еще алкоголь!

– Какой?

– У нее в крови нашли алкоголь, – хмуро пояснила Нора, – незначительное количество, эксперт сказал, что, скорей всего, один-два фужера вина.

– Для Риты это ерунда.

– Мы с тобой знаем, что Ритка могла выпить две бутылки коньяка и не окосеть, – вздохнула Нора, – а специалист твердит, что для девушки ее хрупкого телосложения такого количества спиртного вполне достаточно, чтобы съехать с катушек. Вот и получается картина: пьяная, вечером, на тем-

ной улице.

– Там великолепное освещение, – перебил я Нору, – извините, пожалуйста, что не дал договорить, но прямо у остановки установлена гигантская реклама, лампочек сто, не меньше, горят, Риту было видно как на ладони, и потом...

– Что, – резко спросила Элеонора, – что потом?

Я вновь вспомнил, как «Вольво» вилял вслед за Маргаритой, и сказал:

– Водитель так странно себя вел. Рита побежала, на шоссе было полно места, он запросто мог ее объехать.

– Вот видишь, – прошептала Нора, – даже тебе ясно, что дело нечисто. Ладно, хватит трепаться попусту. С завтрашнего утра начинаю сама искать убийцу.

– Как? – изумился я. – Сама? Зачем?

– А кто еще этим займется? – фыркнула Нора и раздавила в пепельнице окурочек.

– Милиция.

– Ой, не смей меня, они давным-давно списали это происшествие в разряд «глухарей». Никто и палец о палец не ударит. И потом, наши доблестные правоохранительные органы способны только бороться с бабушками, торгующими возле метро укропом.

Я попытался вразумить Нору:

– Ладно, если не доверяете милиции, наймите частного детектива, сейчас много контор.

– Шаромыжники и обманщики, – дернула плечом Нора. –

Не нужен никто, сама найду.

Я рассердился:

– Нора, жизнь – это не ваши любимые детективы.

– Не занудничай!

Я обозлился вконец и от этого весьма бестактно ляпнул:

– Но как вы собираетесь заниматься оперативной работой? Извините, конечно, но в инвалидной коляске это достаточно трудно проделать.

Нора прищурилась:

– У меня есть ноги, молодые, здоровые, резвые.

– Откуда? – удивился я, подозрительно посмотрев на хозяйку. Элеонора – это совершенно необыкновенная женщина, у такой и впрямь могут оказаться запасные конечности.

– Мои ноги – это ты, – спокойно заявила Нора и вновь вытащила сигареты. – Помнишь, мы читали Рекса Стаута, про Ниро Вульфа и Арчи?

– Конечно.

– Так вот, я – Ниро, а ты – Арчи.

– Я?!

– Именно. Ты станешь ходить там, где мне не пройти, собирать информацию, а по вечерам докладывать результаты. Подумай сам, какая чудесная пара из нас получится. Ты молод, здоров, а я умна. Моя голова, твои ноги.

– Но я совершенно не приспособлен к подобной работе.

– Глупости.

– У меня плохо с логическим мышлением.

Элеонора в раздражении ткнула недокуренной сигаретой в хрустальную пепельницу.

– От тебя никто не требует наличия серого вещества.

– Но я не умею быстро бегать, стрелять...

– Ты насмотрелся фильмов про Джеймса Бонда.

– Не люблю боевики, кстати, и детективы читаю только тогда, когда нужно развлечь вас.

Нора вздернула брови, подкатила к моей кровати и схватила книги, лежащие на ночном столике.

– Ага, Маркес, «Сто лет одиночества» и Брюсов «Стихотворения». Ты обожаешь занудство.

– Можете называть эти произведения занудством, они от этого хуже не станут.

– Вава, – коротко сказала Нора, – я плачу тебе деньги, следовательно, могу заставить делать все, что угодно.

– Ну...

– Не ну, а слушай, – резко перебила меня хозяйка, – с завтрашнего дня ты начинаешь сбор информации. Я буду говорить, куда и к кому идти, понял?

Можно ли спорить, когда на тебя с бешеной скоростью несется бронетранспортер? Я кивнул.

– Вот и отлично, – повеселела Нора, – завтра и начнем.

На этой фразе моя работодательница вынеслась в коридор и заорала:

– Лена, черт тебя побери, где мое какао?

Я смотрел на захлопнувшуюся дверь. Бывают же такие да-

мы! Просто ведьма на помеле. Ведь великолепно знает, что я терпеть не могу, когда кто-нибудь зовет меня дурацкой кличкой Вава. Вот наберусь окаянства и выложу ей это прямо в лицо.

Глава 3

Утром я покинул дом ни свет ни заря. В карман пиджака положил крохотный диктофончик, в отличие от Арчи, с которого предлагалось брать пример, у меня не слишком-то хорошая память, лучше подстрахуюсь техникой.

Путь мой лежал к Насте Королевой, ближайшей подруге Риты. Это у нее на вечеринке была в день своей смерти внучка Элеоноры. Настя, как и ее покойная приятельница, считается студенткой, только мне кажется, что на занятия она ходит так же, как Рита, раз в неделю, к третьей паре. И если Маргарите Нора никогда не дала бы умереть с голоду, то на что рассчитывает Настя, мне непонятно. Богатых родственников у девушки нет. Воспитывает ее одинокая мать, неделями мотающаяся по командировкам. Поэтому глагол «воспитывать» тут совершенно ни при чем, Настя растет, словно лопух в придорожной канаве, и мне всегда казалось, что она не лучшая компания для Риты.

Но, как вы понимаете, моего мнения по этому вопросу никто не спрашивал, а Нора позволяла Рите практически все. Она ее баловала совершенно без меры, тот же, кто говорил о Маргарите нелицеприятную правду, мигом становился для Элеоноры врагом. Холодная, расчетливая в сфере бизнеса, она совсем теряла голову, когда речь шла о внучке. Впрочем, если быть справедливым, то Риточка вовсе не была та-

кой уж противной. Избалованной, да, частенько капризной, вздорной, ленивой. Но, с другой стороны, доброй, готовой помочь людям, отзывчивой и совершенно не жадной. Хотя, если разобраться, денег у нее всегда было столько, что Рита не знала, куда их деть, и потом, она их не зарабатывала. А то, что легко достается, мигом тратится.

Припарковавшись около дома Насти, я поднялся на четвертый этаж и позвонил в звонок. Сначала за дверью царило молчание, потом послышался сонный голосок.

– Кого черт принес?

– Открой, Настенька.

– Да кто там?

– Иван Подушкин.

– Сейчас, – ответила девица и загремела замками.

Через секунду дверь отворилась, и на пороге предстала Настасья во всей красе своих восемнадцати лет.

Мне недавно исполнилось сорок, но для Анастасии я глубокий старик, ее мать моложе меня на два года, поэтому девушка воспринимает меня как некое бесполое существо. Настя стояла в коридорчике в коротенькой рубашонке, открывающей ее круглые коленки, довольно глубокий вырез не скрывал стройную шею и высокую грудь.

– Здравствуйте, Иван Павлович.

– Добрый день, дорогая, – ответил я.

– Случилось еще что-то? – поинтересовалась Настя, зевая.

– Можно пройти?

– Ступайте, конечно, – милостиво разрешила хозяйка, – только не пугайтесь, гости вчера были, убрать не успела.

Хорошо, что она меня предупредила, потому что при виде дикого беспорядка я сумел удержать возглас укоризны. Комната походила на трактир, который после трехдневной гулянки покинули гусары. Повсюду: на столе, стульях, даже на полу – стояли грязные тарелки с объедками, чашки и стаканы. Пустые бутылки батареей выстроились у балконной двери, а из железных баночек, заменявших тут пепельницы, просто вываливались окурки. В квартире отвратительно воняло. Я курю, но вонь от окурков просто не переношу, поэтому предложил:

– Настенька, мне кажется, лучше открыть форточку.

– Ни за что, – отрезала девица, – похоже, я простыла, голова болит, и глаза прямо щиплет.

Я хотел было возразить, что это следствие того, что она провела ночь в затхлой атмосфере, вдыхая застоявшийся воздух, но удержался: в мои планы не входило злить Настю.

Устроившись в засаленном кресле, я осторожно спросил:

– Что ты думаешь по поводу кончины Риты?

– Ужас! – воскликнула Настя. – Всех их поубивать надо.

– Кого?

– Пьяных, которые за руль садятся.

– Почему ты решила, что Риту задавил пьяный?

– А кто еще? – захлопала глазами девица. – На поминках все говорили про это. Шофер нализался, и тут ему, на беду,

попалась Ритка. Я бы ему яйца оторвала, ублюдок!

Выпалив последнюю фразу, Настя схватила халат и накинула его на плечи.

– Холодно что-то.

Я посмотрел в ее опухшее лицо и вздохнул. Похоже, девочку мучает жестокое похмелье.

– Скажи, Настенька, у тебя в тот день было много гостей?

– Ну... – забормотала девушка, – Толян приходил, еще Наташка заглянула, а больше никого, тихо посидели, и ведь не выпили ничего, так, ерунду, детскую дозу, всего-то грамм по сто на рыло вышло.

– По сто чего? – решил уточнить я.

– Так водки, конечно, – пояснила Настя, – у нас была одна бутылочка.

Да уж, и впрямь ерунда. Рита обладала редкой устойчивостью к алкоголю и могла безболезненно выпить море горячительных напитков. Очень хорошо помню, как несколько месяцев назад Элеонора с шумом отмечала свой день рождения. Моя хозяйка не кокетка и возраста своего не скрывает, поэтому, недолго сомневаясь, сняла банкетный зал в гостинице «Украина» и собрала двести пятьдесят человек. Естественно, было полно журналистов. Я знаком со многими из борзописцев и совершенно не удивился, когда ко мне, шатаясь, подошел Николай Львов из газеты «Финансовое право».

– Слышь, Ванька, – еле ворочая языком, спросил Николаша, – скажи, вот эта телка кто?

Я проследил за его корявым пальцем и увидел весело смеющуюся Риточку с тарелкой снеди в руках.

– Это внучка хозяйки, Маргарита. А что случилось?

– Ну, герла, – икнул Николай, – прямо мастер! Пили на равных, у меня мозги в узел завязались, а она свежа, словно не ханку, а газировку жрала. Уж поверь, Ванька, баба меня первый раз перепила.

Так что сто граммов беленькой для Риточки не доза.

– И все у вас было нормально? – продолжал я.

– Естественно, – пожала плечами Настя, – посидели спокойно, потом разошлись.

– Кто первый ушел?

– Рита, Толян с Наташкой позже.

– Значит, ничего сверхъестественного?

– Не-а.

– Не ругались?

– Зачем? Просто потусовались.

Понимая, что к Насте ходил абсолютно зря, я спросил:

– Дай мне адрес Толи и Наташи.

– Толян тут живет, – показала Настя пальцем вниз.

– Где? – не понял я.

– А подо мной квартира. Только зачем он вам?

Проигнорировав ее вопрос, я задал свой:

– Теперь подсажи координаты Наташи.

– Чего?

– Ну адрес девушки дай.

– Не знаю.

– Как же так, дружишь с ней, и не в курсе.

– Оно мне надо, – фыркнула Настя, – да никто с ней не дружит.

– Но ведь Наташа пришла к тебе в гости.

– Ну и что?

Я слегка растерялся:

– Ты ведь не всех пускаешь в квартиру, или я ошибаюсь?

Настя встала, схватилась за голову и, не говоря ни слова, вышла в коридор. Через секунду послышался шум воды, и девушка вновь возникла в комнате с огромной, почти литровой, кружкой в руках. Сделав несколько жадных глотков, она утерла кулачком хорошенькие пухлые губки и пробормотала:

– Сушняк замучил.

Да уж, в пьянстве замечен не был, но по утрам жадно пил сырую воду. Но вслух я, естественно, этой фразы не произнес. Настя опять припала к кружке. Я терпеливо ждал.

– Наташка везде с Толянком шляется, – пояснила наконец девушка, – если ее адрес нужно, то у него и интересуйтесь.

– Дай мне телефон.

– Чей?

– Анатолия.

– Так я не знаю.

Честно говоря, ситуация стала меня слегка раздражать.

– Как это?

– Просто, на фига он мне?

– Но, предположим, ты хочешь позвать его в гости...

– Ну и что? Спускаюсь вниз.

– Каждый раз? А вдруг его нет? Не жаль ноги-то?

– Ой, е-мое, – тяжело вздохнула Настя. Потом она схватила ложку и с силой постучала ею по батарее. Через какое-то время раздался ответный стук.

– Слыхали? – спросила Анастасия. – Дома Толян, ну за каким фигом мне его телефон?

Анатолий выглядел не лучше Насти. Щеки его покрывала редкая щетина, очевидно, парень не брился несколько дней кряду да и спал, скорей всего, прямо в одежде. Во всяком случае, майка, обтягивающая его накачанный торс, выглядела отвратительно. Грязно-серая, в желтых и оранжевых пятнах, мятая. Не лучше были и брюки, их словно корова жевала, а потом выплюнула, решив, что дешевые спортивные штаны ей не по вкусу.

– Вам кого? – поинтересовался парень.

– Я от Насти.

– Входите, – радушно пригласил меня хозяин.

Несмотря на жуткий вид парня, в комнате было относительно прибрано.

– Садитесь, – предложил Анатолий.

Я устроился в кресле и почувствовал запах кошачьей мочи. Толя сел на тахту, прикрытую ковром, и спросил:

– Что случилось?

– Скажите, мой друг, вы хорошо знали Риту, подругу Анастасии?

– Ту, что под машину угодила?

– Да.

– Ну, встречались.

– В тот день, когда она погибла, вы вместе выпивали.

– Это кто сказал? – удивился Анатолий.

– Мне так кажется, или я ошибаюсь?

– Нет, не было ее, – ответил парень.

– Как? – удивился я. – Совсем?

– Совсем, – подтвердил Толик. – Она не приходила.

– Хорошо помните?

Анатолий поскреб щетину.

– Вообще-то я бухой был. Я к Настьке уже хороший пришел, под газами. Мы с Наташкой сначала у Сашки на дне рождения накушались, потом, правда, его мать явилась, разоралась, развопилась, всех вон повыгоняла. Ну, мы пошли на проспект, купили по баночке джин-тоника, на большее пиастров не хватило, а потом к Настене дернули. Честно говоря, я как к ней вошел, так в кресло рухнул и часа два продрых, но, когда проснулся, Ритки не было, совершенно точно это помню. Небось она уже ушла, ей бабка не разрешает по ночам шляться.

– А который час был, когда вы проснулись?

– Хрен его знает, на улице темень стояла.

Я тяжело вздохнул. Сейчас декабрь, солнце, если оно и

появляется, заходит рано. Сумерки опускаются на город после обеда, в семнадцать часов уже совсем темно...

– Зачем вам знать про Ритку? – поинтересовался Толя.

Мне всегда трудно врать, но говорить правду в данной ситуации было не с руки, поэтому я быстро задал вопрос:

– А ваша девушка, Наташа, тоже много тогда выпила?

– Ну-у, – протянул Толя, – нет, она меня все время тащи-ла, значит, соображала.

– Не подскажете ее телефон?

Анатолий напрягся:

– Сто пятьдесят один ноль четыре двадцать... Черт... Не помню!

– Посмотрите, пожалуйста, в записной книжке.

– Да зачем?

– Элеонора, бабушка Риты, хочет знать, как внучка про-вела последний день своей жизни.

– А-а-а, – протянул парень, – это я понимаю, жаль, конечно, что так вышло, Ритка хорошая девка была, не жадная. И водки купит, и закуски, и сигарет... Только вот я ничего сказать не могу, плохой был. А Наташка наболтает, она ни-чего, нормальной казалась. Ща погляжу.

Минут пятнадцать он искал книжку, потом выудил потре-паный блокнотик и забормотал:

– Ща, тут где-то, погодите...

Я терпеливо ждал. Наконец Анатолий разочарованно про-тянул:

– Нету.

– Посмотрите внимательно, сделайте одолжение.

– Так уж все посмотрел! Небось не записал!

Современное поколение иногда ставит меня в тупик.

– Вы не знаете телефона любимой девушки?

– Кого? – заржал Толя. – Любимой девушки? Ну умора!

– Разве у вас с Наташей нет романа?

Парень, продолжая гнусно хихикать, заявил:

– Я с ней трахаюсь, и все дела!

Решив перейти с ним на тот сленг, который будет понятен юноше, я спросил:

– Ну а когда вам приходит охота потрахаться, каким образом вы ставите в известность Наташу, как ищете ее?

– Чего ее искать, – веселился Толя, – она всегда под рукой, учимся мы вместе, в одной группе.

Я посмотрел на него и подавил вздох. Кто бы мог подумать, что юноша – студент, меньше всего он похож на парня, увлеченного учебой. Хотя, если вспомнить мои студенческие годы, проведенные в Литературном институте, то справедливости ради следует признать, пили мои однокашники, как верблюды, пересекая пустыню Гоби. Кстати, именно из-за того, что я не переносу спиртное, у меня не сложились отношения с однокурсниками.

– А в каком институте вы учитесь?

– В педагогическом, – ответил Анатолий.

– Где? – изумился я.

– В педагогическом, – совершенно спокойно повторил парень, – на Орловской улице, если хотите с Наташкой поговорить, туда езжайте, на занятиях она.

– Фамилию подскажите.

– Чью?

– Наташину, или вы ее не знаете, как и телефон? Постель – еще не повод для знакомства.

Я думал, что парень обозлится, но он широко улыбнулся.

– Это верно, если с каждой знакомиться, кого в койку укладываешь, охренеть можно. Но фамилию Наташки я знаю, Потапова она.

Глава 4

Я вышел на улицу и увидел, что мои «Жигули» «заперты» между огромным джипом и серой «Волгой». В легковушке никого не было, а во внедорожнике сидела женщина, одетая в коротенькую курточку из меха неизвестного мне животного. Я постучал пальцем по стеклу. Дама высунулась в окошко.

– В чем дело? – спросила она, перекатывая во рту жвачку.

– Будьте любезны, подайте чуть-чуть вперед.

– Зачем?

– Я не могу выехать.

– А ты покрути рулем, – хмыкнула женщина и выплюнула «Орбит» на асфальт.

– Тут, как ни крути, не выбраться, – пояснил я, – сделайте одолжение.

– Еще чего! – хмыкнула баба.

Потом она вытащила губную помаду, пудреницу и занялась текущим ремонтом лица. Я посмотрел на невозмутимую нахалку и отошел. В конце концов, я никуда особо не тороплюсь. Либо джип уберется восвояси, либо явится водитель «Волги», надеюсь, с ним договориться будет легче.

Сев в «Жигули», я с наслаждением закурил, потом вытащил из «бардачка» «Властелина Колец» и погрузился в чтение. Грешен, люблю фантастику, но только качественную, из

наших хорошо отношусь к Стругацким, а из иностранных авторов уважаю классику жанра Клайва Льюиса с его романами про Нарнию. Кстати, многие ошибочно считают Льюиса детским писателем, Артура Кларка, Джона Уиндема, Кобо Абэ, хотя последний не является чистым фантастом, и, конечно же, Джона Толкиена. Истории про хоббитов я могу перечитывать бесконечно, и с каждым разом они мне нравятся все больше и больше.

– Эй, – раздалось с улицы.

Я глянул в окно. Девушка из джипа стояла на тротуаре.

– Эй, чего сидишь?

– Книгу читаю.

– Почему не уезжаешь?

– К сожалению, лишен возможности отъехать. Сзади «Волга», впереди ваша машина.

– И долго куковать намерен?

Я со вздохом отложил книгу.

– Жду.

– Чего?

– Либо падишах умрет, либо осел сдохнет.

– Что? – сморщилась она и задвигала челюстями.

Она явно не читала книгу Соловьева про Ходжу Насреддина и не знала истории про то, как хитрый крестьянин взялся научить разговаривать осла.

– И долго сидеть будешь? – поинтересовалась девица.

Я пожал плечами:

– Спешить некуда, в машине тепло, под рукой любимая книга, что еще надо?

– И у тебя не возникло желания дать мне в морду?

Я посмотрел на ее слегка помятое личико, тщедушную фигурку, отметил слишком ярко, даже нелепо, выкрашенные волосы и галантно ответил:

– Как вам могло прийти в голову подобное? Дама с вашей внешностью может вызвать только одно желание.

– Какое? – разинула рот девица.

– Восхищаться ею, – ответил я и уткнулся во «Властелина Колец».

За сорок лет жизни я пришел к такому умозаключению. К сожалению, вокруг нас слишком много хамов, грубиянов, да и просто дурно воспитанных людей. Ну представьте себе ситуацию. Едете в метро, и вдруг вам на ногу, обутую в тонкий замшевый ботинок, со всего размаху обрушивается острый каблук-шпилька. Ваши действия? Как минимум, вы взвизгнете:

– Нельзя ли поаккуратней?

Или того хлеще:

– Смотри, куда прешь, идиотка!

– Сам кретин, – огрызнется дама, – раскинул копыта, дурак.

И начнется свара, стихийно перерастающая в скандал. Результатом же военных действий будет капитально испорченное настроение, головная боль и отвратительное ощущение,

будто наступил в дерьмо. Ну и чего добьетесь, затеяв выяснение отношений?

Я поступаю иначе. Просто отдергиваю ногу и говорю:

– Извините, вытянул конечности в проход, вот вы и споткнулись.

Не ожидающая ничего подобного женщина, как правило, смущенно бормочет:

– Простите, случайно вышло.

– Ничего, – улыбаюсь я, – даже приятно, когда такая красавица задевает в толпе.

Услышав последнюю фразу, наши, не привыкшие к комплиментам соотечественницы мигом покрываются свекольным румянцем, и инцидент заканчивается, не успев начаться. Причем, в результате хорошо всем, и мне, и женщине, и нога перестает болеть ровно через минуту. Если не становиться на одну доску с хамом, улыбнуться ему и сказать что-нибудь приятное, можно добиться поразительных результатов. Вы все равно не перекричите нахала, он ведь профессионал и ждет от вас определенного поведения, то есть всегда готов к отпору. Вот он, сверкая глазами, шипит:

– Молодой человек, немедленно уступите мне, ветерану, место!

Он уже настроен на борьбу, с его языка сейчас сорвется следующая фраза:

– Нахал, да как ты смеешь!

И тут вы ломаете ему всю малину, со спокойной улыбкой

отвечая:

– О, простите, бога ради, не заметил вас сразу.

Все. Конфликт задавлен в зародыше. Попробуйте, здорово действует.

Вот и сейчас, девица, совершенно не ожидавшая от меня такого поведения, побрела в свой джип. Я вновь погрузился в приключения хоббитов.

– Эй, парень, – вновь раздалось с улицы.

Девушка, по-прежнему мерно двигая челюстями, заискивающе сказала:

– Слышь, будь другом.

– Да, пожалуйста.

– Видишь, вон там, на другой стороне проспекта, ларек?

– Да.

– Сходи мне за сигаретами.

– Вам очень нужно?

– Да вот, – занудила девица, – не могу отойти от машины, Колян велел сидеть в джипе, не послушаюсь, пиздюлей навешает, а курить охота!

Я протянул ей «Мальборо».

– Угощайтесь.

– Ну, такое говно я не курю.

Я заглянул в пачку, потом вылез наружу.

– Сходишь? – обрадовалась нахалка.

– У меня самого сигареты заканчиваются, заодно и вам возьму, только скажите, какие.

– «Собрание», – прочитала бабенка.

Я кивнул и пошел через дорогу. Когда через пять минут, с сигаретами в руках, я вновь поравнялся с джипом, у внедорожника неожиданно раскрылись все двери, и из глубин салона вывалилась целая куча людей, похожих друг на друга, словно зубья у расчески. Все как один были одеты в кожаные черные куртки, джинсы и тупоносые ботинки. На головах, несмотря на мороз, красовались бейсболки.

– Ну парень, – заорал один, самый высокий, – ну, блин, мы тебя два года ищем!

– Такого не бывает, – подсказывала на месте девица со жвачкой.

Удивившись неожиданному повороту событий, я протянул ей сигареты.

– Держите.

– Ну, блин, – восторгалась девушка, – ты молодец, давай знакомиться.

– Что происходит? – спросил я.

– Ты выиграл приз, – заорали парни в бейсболках, – повезло тебе, мы с телевидения, понял?

– Нет, – покачал я головой, – нельзя ли объяснить более доходчиво.

– Вали сюда, – велел длинный и втянул меня в джип.

– Давай знакомиться, Николай Хоменко, ты меня че, не узнал?

– Нет, простите.

Все заржали.

– Да, – хлопнул себя по колену Николай, – облом вышел, так мне и надо, думаешь, всей стране известен, а потом, бац, и не узнают. А так, тоже не припоминаешь?

Он стащил бейсболку, взъерошил кудрявые волосы, выпучил круглые глаза и прохрипел:

– Добрый день, здрассти вам, в эфире шоу Николая Хоменко «Невероятная ситуация».

– Простите, – осторожно ответил я, – нет.

В джипе повисло молчание. Не желая обидеть телевизионщиков, я быстро добавил:

– К сожалению, я очень занят по работе и у меня мало свободного времени, поэтому многие, даже лучшие передачи, проходят мимо меня.

Это как раз один из тех редких случаев, когда я сказал неправду. Если всерьез, то я просто не люблю всяческие шоу и дурацкие представления. Смотрю только новости и фантастические фильмы.

– Дайте я ему объясню! – взвизгнула «жвачная» девица.

Из ее ярко покрашенного ротика полились слова. Шоу «Невероятные ситуации» существует на экране уже два года, но за этот срок совершенно не приелось зрителям. Его идея проста, как топор. Телебригада выезжает на улицы Москвы и устраивает какую-нибудь мелкую пакость. Ну, например, как в случае со мной, «зажимает» машину. Жертва выбирается совершенно произвольно, никакого плана нет, от непредска-

зюемости ситуация делается только прикольной. Ну а потом человека начинают специально злить, доводя его до обморока. Съёмочная группа, находясь в укромном месте, показывается со смеху, запечатлевая на ленте кадры. Впрочем, потом этот хохот передается и зрителям, потому что люди, естественно, не подозревающие о том, что стали объектом розыгрыша, ведут себя соответственно.

– Вчера, – веселилась девица, – мы облили одной тетке пальто кефиром. Я вроде как шла из магазина, споткнулась, ну и все на нее выплеснула.

– Мать моя, – заржал Хоменко, – что она говорила! Уж поверь, я сам не белый лебедь, а прямо покраснел. Такие ма-тюки! Дратья полезла!

– А когда узнала, что мы с телевидения, – подхватил парень с камерой, – бросилась на Николашу с визгом: «Милый, я тебя не узнала!» Цирк!

– Сегодня, значит, машинку твою «заперли», – продолжала девица, – тоже ждали скандальчика...

– И ничего! – захохотал Николай. – Решили за сигаретами послать. Ну, думаем, сейчас ты Аньке навешаешь. Глядим, идешь. Слышь, парень, ты, часом, не священник?

– Колька, – сказал оператор, – а ты вспомни того батюшку, которому мы предложили собачку окрестить, ну-ка? Забыл, как он нас по кочкам понес? Любо-дорого слышать было.

– Ладно, кончай базар, – поморщился Хоменко. – Вот что, парень, давай пиши здесь свои координаты.

– Зачем?

– Давай, не спорь, имя, фамилию, отчество, место работы, где живешь... Ну, быстренько.

– Объясните, к чему вам эта информация?

– О боже, – закатил глаза Хоменко, – приз тебе положен большой. Вызовем в студию, покажем передачу, потом тебя... И скажем: вот, дескать, нашелся в нашем городе патологически незлобливый человек.

– Один за два года, – хихикнула девица.

– Приз вручим торжественно, повезло тебе, – громыхал Николай Хоменко, – автомобиль получишь, «Жигули».

– Спасибо, – ответил я, – но вынужден отказаться.

– Ты не понял, парень, – подхватил оператор, – тачку вручим, настоящую.

– Но у меня уже есть одна, вторая не нужна.

– Продашь, дурья башка.

Ситуация стала мне надоедать. Я развел руками:

– Извините, господа, я очень тороплюсь, теперь, надеюсь, вы отгоните джип или «Волгу».

– Слышь, чудак, – тихо сказал Николай, – мы тебя покажем крупным планом на всю страну. Я лично обещаю, что сумеешь передать всем привет, пять минут тараторить разрешу в виде исключения.

– Спасибо, я не жажду славы, – ответил я и толкнул дверцу джипа.

– Ребя, он псих, – прошептал оператор, – сбежал от де-

душки Кащенко.

Я улыбнулся:

– Способна ли собака понять кенгуру?

– Не понял, – протянул Хоменко, – ты нас оскорбляешь?

– Упаси бог! Собака и кенгуру относятся к отряду млекопитающих, очаровательные животные, но договориться друг с другом им не суждено, у них совсем разный менталитет.

– Так кто из нас собака? – просвистел Хоменко, сравниваясь цветом кожи с коренным жителем Америки. – Кто?

– Если вы так не любите друзей человека, хорошо, – быстро согласился я, – тогда вы – кенгуру.

«Жвачная» девица хрюкнула и завела мотор. Я вышел на тротуар, потом сел в «Жигули» и уехал в институт к Наташе Потаповой. Дурацкая история!

Будущих Песталоцци и Ушинских² «выпекали» в обшарпанном здании, которое давно, нет, не просило, кричало о ремонте. Притормозив одну из девиц, я поинтересовался:

– Наталью Потапову где можно найти?

– Какая группа? – спросила девчонка.

– Не знаю.

– Тогда идите в учебную часть, – посоветовала студентка и унеслась.

Мысленно поблагодарив ее за хороший совет, я двинулся по извилистым коридорам, разглядывая двери кабинетов.

² Иоганн Песталоцци – швейцарский педагог-демократ. Константин Ушинский – русский педагог-демократ. (Прим. автора)

Нужная отыскалась в самом конце. Я приоткрыл дверь и су-
нул голову в щель.

– Разрешите?

– Приемные часы для студентов после пятнадцати ноль
ноль, – рывкнула, не поднимая глаз от каких-то бумаг, жен-
щина лет шестидесяти пяти, – сейчас учиться надо, а выпра-
шивать допуск на пересдачу следует в определенное время.

Я улыбнулся. На пожилых дам мой внешний вид действу-
ет безотказно, более того, буквально через пару минут разго-
вора неприступные, «железобетонные» леди готовы сделать
для меня все, что угодно. Молодым женщинам и девушкам я
кажусь занудой, но тетки за шестьдесят самый мой контин-
гент.

– Бога ради, извините, – «бархатным» тоном завел я, вхо-
дя в комнату, – естественно, я приду после трех. Еще раз
простите, не хотел мешать вам работать, меня извиняет толь-
ко то, что попал сюда впервые.

Инспектриса подняла глаза, оглядела мой костюм, галстук
и слегка сбавила тон:

– Садитесь.

– Нет-нет, не стану вам мешать, зайду после трех.

– Это правило для студентов, – улыбнулась женщина, – на
вас не распространяется, садитесь, слушаю.

Я сел на «огрызок» стула.

– Будьте любезны, подскажите, в какой группе учится На-
таша Потапова.

– А вам зачем? – свела вместе брови служащая.

Собираясь сегодня на задание, я понимал, конечно, что столкнусь с трудностями, но плохо представлял себе размеры бедствия. Получается, что мне все время приходится врать, то есть заниматься неблагоприятным и непривычным делом. Но подумайте сами, если я сейчас начну объяснять старухе истинное положение вещей, действие растянется на час, а мне всего-то следует узнать номер группы.

– Я ее дядя.

– Надо же, – покачала головой инспекторша, – кто бы мог подумать, что у Потаповой такие приятные родственники. Уж не обижайтесь, но ваша племянница просто оторва.

Я скорчил постную мину:

– К сожалению, современная молодежь вся такая, у нас...

– Были принципы и воспитание, – подхватила старушка, обрадованная встречей с единомышленником, – а вы видели, какой ужас у Наташи на голове?

Я чуть было не спросил «какой?», но вовремя прикусил язык и спросил совсем другое:

– Вроде у них сессия началась?

– Нет, идите в триста вторую аудиторию, там найдете Потапову.

Я вышел в коридор и вздохнул. Наверное, следует намекнуть Норе на повышение зарплаты.

Глава 5

Наташу Потапову я нашел в коридоре, возле двери с табличкой 302. Голова у нее и впрямь выглядела впечатляюще. Девчонка была обрита почти наголо, и коротенький, едва ли сантиметровой ежик топорщащихся волос оказался... ярко-зеленого цвета. Мне до сих пор еще не приходилось сталкиваться со столь экстремальным вариантом прически. Но в целом, если не замечать макушку, смахивающую на весеннюю лужайку, Наташа была хорошенькой. Большие блестящие карие глаза, маленький ротик, изящная фигурка с тоненькой талией и длинными ножками.

Мне всегда нравились «карманные» женщины, хрупкие, невысокие, изящные. Они вызывают желание взять их на руки, уложить на диван, накрыть пледом... Терпеть не могу мужеподобных баб огромного роста с громовыми голосами и необъятным бюстом. Девушка, которая сейчас стояла передо мной, идеально соответствовала стандарту внешности моей избранницы. Плохо только, что ей небось не больше восемнадцати. Знаю, знаю, многие представители мужского рода готовы бежать на край света за свеженькой мордашкой, но я никогда не страдал педофилией.

Конечно, сексуальные отношения – это прекрасно, но потом, после них, когда вы со вкусом закуриваете сигарету, ваша партнерша разевает рот и начинает беседу. И тут про-

падает весь флер очарования. Сами знаете, какие глупости болтают дамы в постели. «Дорогой, скажи, как ты меня любишь?», «Милый, что ты такой грустный, тебе не понравилось?», «Почему мой котик надулся?». Впрочем, кое-кто мигом пытается заарканить вас: «А когда мы пойдем в загс?» или «Как считаешь, красное платье не слишком экстравагантный наряд для невесты?». И уж совсем выбивает меня из равновесия заявление: «Скажи скорей, о чем ты сейчас думаешь?». Мне всегда приходится врать в подобном случае. Ну скажите, разве можно честно ответить, о чем думаю? Да о том, когда ты замолчишь, милая. Вот и приходится мести хвостом, сюсюкая глупости.

– Вас выгнали из аудитории? – улыбнулся я Наташе.

– Нет, – процедила та сквозь зубы и повернулась ко мне спиной.

– Вам привет от Насти, – сказал я.

– От кого? – обернулась девчонка.

– От Насти Королевой, вашей подруги.

– Не знаю такую, – буркнула Наташа.

– Ну как же, – я решил не сдаваться, – Настя, вы еще были у нее в гостях со своим кавалером Толей, он живет на этаж ниже Королевой.

– А-а-а, – протянула Наташа, и легкая тень улыбки промелькнула на ее лице, – Настюха, только я ее фамилию не знаю.

– Скажите, Наташенька, вы помните свой последний ви-

зит к ней?

– Ну так, – замялась студентка, – вообще-то, да. Только она мне не подруга, просто знакомая.

– Но вы припоминаете последнюю встречу? Насколько я знаю, вы пришли к ней вместе с Толей...

– Вместе, – фыркнула Наташа, – да я его, считайте, на себе приволокла, пьянь рваная!

Я лицемерно заявил:

– Ну, сейчас все равны в отношении выпивки, в том смысле, что все любят заложить за воротник.

– Ага, – хмыкнула собеседница, – только одни равны больше, чем другие.

Я в изумлении уставился на ее хорошенькую, но глуповатую мордочку. Девушка процитировала книгу «Скотный двор» строго-настрого запрещенного в социалистической России писателя Джорджа Оруэлла. Это там, на ферме, висело объявление «Все животные равны, но одни равны больше, чем другие». А она не такая уж дура, хотя небось я ошибаюсь. Девчонка просто случайно произнесла фразу, ставшую классической.

– Толя пьет жутко, – продолжала как ни в чем не бывало Потапова, – еще год-другой, и кранты, законченный ханурик.

Я хотел было спросить, зачем же она связывает свою судьбу с этим типом, но удержался. В мою задачу не входило воспитывать студентку, мне просто нужно разузнать кое-что.

– Он и тогда завелся, – бесхитростно вываливала Наташа, – другой, кто поумней, нажрется – и на бочок, спать, а это чучело на подвиги тянет, давай руками размахивать и орать.

В тот день Наташа доволокла потерявшего человеческий облик любовника до квартиры и уже собралась впихнуть Толю в дверь, но тот неожиданно уперся рогом:

– Не хочу домой!

Уставшая и злая Наташа резко спросила:

– Куда же ваше величество желает, на прием к английской королеве?

– Пошли к Настьке, – икнул Толя, – погудим, погуляем.

– С тебя хватит, – попыталась вразумить любовника де-вушка.

Куда там! Анатолий, глупо хихикая и шатаясь, побрел по лестнице вверх. Пришлось Наташе идти с ним. Настю она не слишком любит, впрочем, та тоже особой радости при виде Потаповой не выказывает, а Наташе кажется, что Королева просто мечтает, что Толя заведет себе новую любовницу.

– Хитрая она, жуть, – бубнила Наташа, – только зачем вам знать про нашу вечеринку?

– Сейчас объясню. Скажи, сделай милость, у Насти, кроме вас, были гости?

– Эта сидела, – поджала губки Ната.

– Кто?

– Ну Рита Родионова, подруга ихняя.

Пропустив мимо ушей чудесное словечко «ихняя», я пе-

респросил:

– Чья подруга?

– Ну ихняя, – повторила Наташа, – Настька, Толька и эта Ритка дружат. Да что вы ко мне привязались?

– Рита Родионова погибла, разве ты не знаешь?

Потапова побелела и вытаращила глаза.

– Нет, а что с ней приключилось?

– Как раз после той вечеринки она, возвращаясь домой, попала под машину, разве тебе Толя не сказал?

– Ой, – взвизгнула Наташа, – мы с ним с того вечера не встречались.

– Почему?

– В запой он ушел, какой толк общаться. Господи, как же это так? Ритка мне совсем не нравилась, но смерти я ей не желала, поверьте.

– Конечно, я верю, – попытался я успокоить девчонку, – только сделай доброе дело, расскажи поподробней про тот вечер.

– А вы вообще кто? – напряглась Наташа. – Какого хрена ко мне примотались? Из легавки, да? Виноватую ищите? Думаете, поругались с Риткой, и она под машину сиганула?

– Разве я похож на милиционера? – удивился я.

– Ну, не слишком, – сбавила тон студентка, – но пока не представитесь, и слова не скажу.

– Понимаешь, – завел я, – бабушка Риты, Элеонора, не верит в случайность кончины внучки, она полагает, что Мар-

гариту убили.

– Во, блин, – выпалила Наташа, – а за фигом кому ее мочить? Смысл какой? Девка как девка, противная только, заносчивая да дура, но за это же не убивают.

– Верно, но Элеонора наняла частного сыщика, чтобы разобраться в ситуации.

– Вас, что ли?

Я кивнул. Если так пойдет дальше, скоро стану просто заправским вруном.

– Ну и что? – нервно поинтересовалась Наташа. – Я-то для чего вам понадобилась?

– Вы были последней, кто видел Риту живой, пожалуйста, попытайтесь вспомнить какие-нибудь детали.

– Какие? – тупо спросила Ната.

– Разные, – терпеливо растолковывал я, – может, звонила она кому или еще что-то...

Потапова прищурилась:

– Очень есть хочется, тут рядом кафе «Сбарро», вот и сводите меня туда! Что в грязном коридоре маячить.

Признав справедливость ее заявления, я сказал:

– Конечно, пойдете.

В забегаловке Наташа не стала стесняться и преспокойно заставила поднос тарелками. Пицца, пара салатов, большая чашка кофе, кусок торта, стакан сока, пара булочек. Я только крикнул, поглядев на чек. Надо же, при внешней хрупкости девчонка обладает аппетитом молотобойца, впрочем, может,

у нее солитер?

Наташа выбрала столик у окна и принялась быстро поглощать угощение.

– А вы что же? – поинтересовалась она. – Возьмите пищу, тут вкусно делают.

Я поморщился. Лепешка из жесткого теста, заваленная кашей из мелко нарубленных ингредиентов... Увольте, это не для меня. Вообще я не обладаю аппетитом Гаргантюа³, но от хорошего куска мяса не откажусь, желательно, с жареной картошкой и острым соусом. Вот Нора обожает весь этот фаст-фуд и частенько просит купить ей гамбургеры, чизбургеры или готовые блинчики. Для меня остается загадкой, от чего, имея дома искусную повариху, Нора лакомится подобной дрянью.

– Не хотите, – продолжала Наташа, – а зря, жуть, как вкусно.

Чтобы она отвязалась, я купил себе кофе и попробовал. Поверьте, напиток оказался редкостной гадостью, хуже его только широко разрекламированный «Нескафе», отвратительное растворимое пойло, суррогат. А я не люблю, когда кролик прикидывается норкой. Сколько ни крась мех длинноухого в разные цвета, он никогда не станет похож на шубку элитного животного. Заяц, он и есть заяц, даже если пытается выдать себя за гепарда. А растворимый напиток густо-ко-

³ Гаргантюа – главный персонаж книги Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Это имя стало нарицательным для обжоры. (Прим. автора)

ричного цвета – это не кофе, и никакая реклама со сладко улыбающимися девушками не убедит меня в обратном!

Я подождал, пока Наташа проглотит еду, и поинтересовался:

– Ну, вспомнили?

Девушка пожала плечами:

– Вроде ничего не произошло.

Ну уж нет, дорогая. Заставила меня отвести тебя в кафе, поела, попила, и все? Придется поработать.

– Наташенька, – попросил я, – вы просто расскажите максимально подробно о той вечеринке, а я уж сам решу, что интересно, а что не заслуживает внимания.

Потапова вздохнула и начала рассказ.

Когда она вошла в комнату, там уже сидела Рита, как всегда с усмешкой на губах. Наташа не очень-то любит Родионову. Маргарита, по ее мнению, слишком ярко красится, чересчур обильно обливается французскими духами и отвратительно дорого одевается. Да еще обвешивается золотом. К тому же у Ритки имеется собственный автомобиль, да не какой-нибудь отстойный «жигуль», а отличный «Фольксваген», мечта молодой девушки. Только в тот раз Ритка оказалась безлошадной. Наташа посмотрела, как Родионова безостановочно опрокидывает рюмку за рюмкой, и ехидно поинтересовалась:

– Не боишься садиться за руль выпивши или надеешься, бабушка за тебя откупится?

Но Рита в тот день не была расположена к скандалам.

– Да нет, – вполне дружелюбно ответила она, – я пешком сегодня. Сломался автомобиль.

Потом Настя вытащила бутылку «Чинзано» и водку, то ли две, то ли три бутылки. Толя опрокинул рюмашечку и мигом отключился. В нем уже сидело прилично ханки, и последние капли просто сбили парня с ног. Кое-как добредя до дивана, он рухнул на плед и захрапел.

– Погодите, – решил уточнить я, – сколько выпивки там было?

– Море, – отмахнулась Ната, – у Насти всегда так. Водяра льется рекой, а закуски пшик. Я тоже окосела и задремала в кресле. А потом Рита умелась, то есть они ушли с Настей.

– Уже был вечер?

– Нет, только шесть часов пробило.

Я удивился:

– И вы точно помните, что Маргарита ушла?

– Ага. Вместе с Настей. Только я сразу заснула и ничего дальше не помню. Открыла глаза, когда часы заиграли, в туалет сходила и опять спать завалилась, а их не было: ни Насти, ни Ритки.

Я в недоумении начал вертеть в руках чайную ложечку. Странно, однако. Маргарита ушла от Насти в шесть, а я встречал ее около одиннадцати на троллейбусной остановке...

– Ну, и дальше что? – просто для порядка поинтересовал-

ся я.

– «Чинзано» я перепила, – вздохнула Ната, – около Толяна продрыхла. Проснулась в десять, как раз «Новости» по НТВ начались, гляжу, Ритка с Настькой чай гоняют. Обе ни в одном глазу, словно и не пили вовсе.

– Постой, постой, они же ушли.

– Ага, я сама удивилась, но только открыла глаза и вижу: сидят.

Я в задумчивости уставился в окно. Интересно, куда моталась Рита? То, что не домой, совершенно точно. Я в тот день просидел в кабинете безвылазно, мы вместе с Норой приводили бумаги в порядок, только около одиннадцати хозяйка попросила:

– Ваняша, не в службу, а в дружбу, сходи за Маргошей к остановке. Она сегодня без машины, что, кстати, только к лучшему. На дороге сплошной лед.

Значит, Риточка где-то побывала...

– Они чему-то радовались, – пояснила Наташа. – Ритка подняла бокал с вином и заявила: «Давай за успех!» А Настя поднесла палец к губам: «Тише».

– Ерунда, – отмахнулась Ритуся, – эти дрыхнут!

Но Наташенька уже проснулась и сквозь полуприкрытые ресницы наблюдала за девицами. Те опрокинули емкости, потом Настя вздохнула:

– Больше не пей, хватит с тебя.

– Хорошо, – согласилась Рита.

– Если вы хотели, чтобы я припомнила что-то необычное, так это было Риткино поведение, – сообщила Наташа.

– А что в нем было странного?

– Ну вы-то ее не знали, – хмыкнула девушка, – Ритулька запросто мужиков перепивала, ей бутылку водяры, как мне пол-литра кефира скушать, и ни в одном глазу... А уж сухое винище вообще как воду хлебала. С чего бы Насте у нее стакан отнимать? Чтобы Ритке нажраться, море надо. И уж совсем непонятно, отчего та послушно отставила рюмашку. Ритке ничего приказать нельзя, мигом наоборот сделает.

И это сушая правда. Дожив до восемнадцати лет, Марго, как звала ее бабушка, сохранила подростковое упрямство. Правда, Нору она всегда слушалась. Впрочем, пару раз Ритуся нахамила бабке, но Элеонора не из тех людей, которые стерпят молча оскорбления. «Если вас ударили по правой щеке, подставьте левую» – это не для нас. Смирения в моей хозяйке нет ни на йоту, но, с другой стороны, она идеально владеет собой. На наглое заявление Риты что-то типа: «Отвяжись от меня, сама знаю, как поступить», Нора мирно ответила:

– Сама так сама.

Рита, не ожидавшая столь легкой победы, даже растерялась, но, очевидно, она плохо знала бабку. Вечером того же дня Марго сунулась к Элеоноре в кабинет и попросила:

– Дай денег.

Элеонора спокойно поинтересовалась:

– Зачем?

– Ну, – удивилась внучка, – у меня все кончились...

Нора развернула инвалидное кресло и спросила:

– И когда у тебя стипендия?

– Хрен ее знает, – оторопела Рита, – не помню.

– Придется вспомнить!

– Почему?

– Потому что теперь это твой единственный источник дохода.

– Как, – обомлела Маргоша, – ты не дашь мне ничего?

– Нет, – заявила Нора, – ты сегодня сказала, что хочешь самостоятельности. Пожалуйста, получи ее в полном объеме.

Ритуля слегка растерялась. С ней произошло то, что случилось с народами Африки, истово боровшимися за свою независимость. Когда проклятые колонизаторы наконец-то покинули «черный континент», выяснилось, что свобода не всегда приносит счастье и процветание. У бедных государств не было денег на еду, медицинское обслуживание и образование граждан. Голод, эпидемия, развал экономики – вот следствие неумного желания иметь независимость. Можно ли разрешить трехлетнему ребенку жить так, как он хочет?

Через неделю Рита поняла, что бабушка не шутила, а еще через две явилась к той в кабинет и прошептала:

– Ну извини, я вела себя как дура.

Нора спокойно открыла сейф, вытащила стопку купюр и отдала внучке со словами:

– Со мной лучше дружить.

С тех пор Ритуся остерегалась хамить бабушке, но на остальных это правило не распространялось. И насчет пьянства правда.

Пить Марго начала лет в пятнадцать. Обеспокоенная Нора отволокла девочку к наркологу, и здесь выяснилась удивительная вещь. Впрочем, сам я практически не разбираюсь в медицине, но попробую объяснить вам суть дела. Уж не взыщите, если не сумею вникнуть во все детали.

Коротко дело выглядит так. У всякого человека, кажется, в желудке имеется фермент, разлагающий алкоголь. От количества этой субстанции зависит способность организма к опьянению. Больше фермента – вы держитесь молодцом, меньше – падаете замертво. Кстати, у северных народов – чукчей, эскимосов, якутов, ненцев – этого фермента практически нет, поэтому они и спиваются. Русскому мужику требуется для кайфа бутылка, а какому-нибудь эвенку достаточно чайной ложки. Таковы их физиологические особенности. Конечно, степень опьянения можно слегка уменьшить, если «принимать» горячительное под хорошую, желательно жирную, закуску или съесть перед выпивкой два-три куса хлеба с толстым слоем масла. Но, повторюсь, степень опьянения от этих мер изменится только слегка, в конечном итоге все зависит от химических процессов в организме.

Так вот, Рите досталось от природы рекордное количество этого фермента, хватило бы на пятерых мужиков. Поэтому

девица могла пить не морщась и практически никогда не испытывала похмелья. Но, тем не менее, сидя в гостях у Насти, послушно отставила стакан. Интересно, что они задумали? Об успехе какого предприятия говорили?

– Это все? – спросил я у Наташи.

– В общем, да, – протянула та.

– Что еще тебя насторожило?

– Ерунда, – отмахнулась Потапова.

– Все же?

– Ритка переделась.

– Да ну? Зачем?

– Вот и я удивилась, – усмехнулась Наташа, – знаете, какие у нее вещи? Фирма, сплошной эксклюзив. Ритуся никогда не возьмет даже в руки кофточку с рынка, а тут появилась в голубом свитере, явно купленном в переходе у метро.

– Ничего не путаете?

– У меня на шмотки глаз наметан, – вздохнула девчонка, – сначала на ней красовался такой серый пуловер, светлый, явно очень дорогой. А потом, когда они с Настькой вновь явились, на Ритке был другой прикид, который решительно отличался от первого.

– Может, вам показалось? – решил уточнить я. – Освещение было разным?

– Не-а, – протянула Наташа, – во-первых, другой цвет. Серый и голубой, согласитесь, они разные. А потом, качество... Нет, первая вещь была фирменной, а вторая – дешевка. Да

у метро в ларьке такими торгуют. С чего бы Ритка на себя дерьмо нацепила?

Я взял у Потаповой ее домашний телефон, адрес и вышел на улицу. Кто бы мог подумать, что ремесло сборщика информации такое тяжелое? Кажется, сущая ерунда, а я уже устал, ладно, поеду завтра к Насте Королевой, мне не хочется вновь беседовать с девицей, но надо, потому что лучшая подружка Риты наврала мне с три короба.

Глава 6

Часы показывали ровно час, когда я прибыл на место. На звонок в дверь никто не отзывался. Небошь девушка спит. Но придется нашей врушке проснуться и ответить на кое-какие неприятные вопросы...

Мой палец уткнулся в черненькую кнопочку, было великолепно слышно, как в квартире заливается «соловей», но никаких признаков жизни с той стороны не обнаруживалось. Полный разочарования, я дернул ручку, и дверь приоткрылась.

– Настя! – крикнул я, всовывая голову внутрь. – Настя, вы где?

В ответ – тишина. Я вошел в квартиру и понял, почему дверь открыта. На ней висел самый примитивный замок. Элементарная конструкция, сделанная, скорее всего, в семидесятые годы, не захлопывается, ее следует снаружи и изнутри запирать на ключ. Но ключа в скважине не оказалось. Либо безголовая девица, избавившись от похмелья, унеслась в неизвестном направлении, либо дрыхнет без задних ног. Ясно одно, ни в том, ни другом случае не следует оставлять квартиру открытой. Правда, похоже, красть тут нечего...

Вздыхнув, я вошел в комнату. Беспорядок остался прежним, пепельницы не вытряхнуты, и запах стоял соответственный – отнюдь не аромат роз. Крохотная кухонька была

пуста. Насти не видно. Глупая девчонка ушла. Я сел на табуретку. И как поступить? Оставить квартиру без запора опасно. С другой стороны, не сидеть же мне тут невесть сколько, девушка могла умотать в гости и заявиться домой через пару дней. В задумчивости я поднял глаза вверх и увидел свет, горевший в ванной комнате. Если помните, во многих пятиэтажках между кухней и санузлом зачем-то существует окно. Очевидно, Настя принимала перед уходом душ, а потом выскочила второпях на улицу. Куда же она так спешила?

Я встал, вышел в коридорчик и, прежде чем щелкнуть выключателем, ради порядка заглянул в ванную.

Первое, что бросилось в глаза, бутылочка из-под шампуня, покачивающаяся на воде. Ну и неряха! Даже воду после себя не слила, а ведь, если заявится домой дня через три, тут такая вонь пойдет, что соседи придут!

Ощущая себя брюзгливым стариком, я шагнул внутрь и дернул за цепочку. Грязная, мыльная вода с ревом устремилась в трубу, и я увидел сначала нечто непонятное, а потом появилось тело Насти, лежащее на дне ванны.

Наверное, будь я женщиной, из моей груди вырвался бы крик ужаса. Но, честно вам скажу, молчание далось мне с трудом. Девушка лежала скрючившись, словно младенец в утробе матери.

Я патологически добропорядочен, стараюсь переходить улицу только на зеленый свет, тщательно соблюдаю на дороге скоростной режим и всегда вовремя оплачиваю получен-

ные счета. Согласен, такое поведение слегка отдаёт занудством, но я педантичный человек. Иногда моя маменька, отличающаяся, кстати, крайней безалаберностью, говорит:

– Боже, Вава, тебе следовало родиться немцем.

Может, оно и так, только, соблюдая законы и правила, легче жить. Хотя в наши дни фраза «жить по правилам» звучит слегка двусмысленно.

За всю свою жизнь я видел трупы всего несколько раз. И это были люди, отошедшие в мир иной в результате старости или долгой болезни. Тела их, уложенные в гробы и заваленные цветами, походили скорее на восковые куклы. Зрелище было, безусловно, неприятным, но не страшным. Сегодня же увиденное поразило меня даже сильнее, чем наезд на Риту. Только вчера я говорил с девчонкой, и вот она уже превратилась в нечто без разума и души. Стараясь не потерять остатки самообладания, я сел на унитаз и увидел на старой, ободранной стиральной машине почти пустую бутылку мартины. Все стало ясно.

Желая избавиться от изматывающего похмелья, Настасья решила выпить. Девчонка медленно, но верно превращалась в алкоголичку. Синдром опохмелки – четкий показатель этого процесса. Залезла в ванну и принялась глотать мартины. Вермут вообще коварная вещь. При всей своей сладости он способен здорово ударить по мозгам.

Перед глазами мигом возникла картина. Крохотный санузел, наполненный паром, и Настя, глотающая из горлышка

«лекарство». Скорей всего, она потеряла сознание и утонула. Но что делать мне? Обычно в таких случаях нужно вызывать милицию, но сначала посоветуюсь с Норой.

– Слушаю, – рявкнула хозяйка, – говорите.

– Тут некоторые сложности, – сообщил я.

– Короче, – буркнула Нора.

– Приехал к Насте, если помните, ситуация сложилась так, что пришлось посетить ее еще раз...

– Быстрее, – недовольно поторопила Элеонора.

– Но на звонок никто не открывал...

– Изложи суть дела, – прервала меня хозяйка, – не рассоливай!

– Хорошо, что сделать с трупом?

Надо отдать должное Норе, десять дам из десяти, услышав подобное заявление, мигом бы завизжали и стали задавать дурацкие вопросы, но моя хозяйка спокойно поинтересовалась:

– Кому принадлежит тело?

– Насте.

– Надеюсь, ты звонишь с мобильного?

– Да.

– Молодец, теперь возьми салфетку, вообще любую тряпку и вытри все предметы, к которым прикасался: дверные ручки, выключатели. Понял?

– Да.

– Потом уходи. Тряпку не бросай в квартире, возьми с со-

бой. Ты там курил?

– Вчера да.

– Забери окурки. Высыпь в мешочек, затем прикрой дверь. Мешок выброси где-нибудь в мусорный бачок, но не делай этого во дворе у Насти, и быстро езжай домой.

– Но следует сообщить в милицию! Нельзя же оставить тело просто разлагаться в ванне.

– Хорошо, – каменным голосом заявила Элеонора, – отъезжай от места происшествия, найди телефонную будку и, не называясь, скажи все, что надо. Но не делай этого около нашего дома.

Следующие полчаса я, ощущая себя настоящим преступником, тщательно заметал следы. И если с уничтожением отпечатков пальцев справился легко, то с окурками все оказалось не так просто. В комнате было полно блюдец и консервных баночек, забитых чинариками. Я, естественно, не помнил, куда запихивал остатки «Мальборо».

Не желая сортировать бычки, я просто вытряхнул все пепельницы в найденный полиэтиленовый пакет и унес его в «Жигули». Будку я отыскал в центре, возле магазина канцтоваров «Комус», там же швырнул в урну кулек с окурками и набрал 02.

– Семнадцатая, милиция, слушает.

– Здравствуйте, – сказал я, – запишите адрес.

– Зачем? – строго поинтересовалась диспетчер.

– Там находится в ванне труп девушки, Анастасии Коро-

левой. Несчастливая утонула.

– Слушаю.

Я сообщил необходимые координаты.

– Кто говорит? – донеслось из трубки.

– Благонадежный гражданин.

– Кто? – повысила тон женщина. – Имя, фамилия, адрес проживания.

Я молча отсоединился и пошел в машину.

Вся эта история начинала мне нравиться все меньше и меньше. До сих пор я еще никогда не утаивал от милиции какие-либо сведения о себе.

Выслушав мой отчет, Нора забрала диктофон и сказала:

– Прекрасно, иди обедать. Завтра продолжишь.

Решив расставить точки над «i», я попробовал посопротивляться:

– Нора, мне совершенно не по душе то, чем я занимаюсь, не говоря уже о том, что выступать в роли анонима совершенно противоречит всем моим моральным принципам.

– Иногда, – спокойно заявила хозяйка, – приходится поступаться принципами.

– Но до сих пор у меня не было нужды делать это!

– Все когда-нибудь происходит в первый раз.

– Мне это не нравится...

– Вава, – прищурилась Элеонора, – если хочешь уволиться, милости прошу. Конечно, я к тебе привыкла, и ты меня устраиваешь, но незаменимым специалистом ты не являешься.

ся, а когда услышат про зарплату, смею тебя уверить, очередь из претендентов выстроится до Кольцевой дороги.

Я молчал.

– И потом, – улыбнулась хозяйка, – прикинь, что с тобой сделает Николетта, когда сообразит, что из-за того, что сынок потерял место, она больше не сможет устраивать файф-о-клоки и журфиксы. Ей-богу, как представляю ее гнев, делается тебя жаль. Поэтому от души советую: иди спокойно поешь, отдохни, почитай про хоббитов, а завтра с новыми силами за работу. Ступай, дружочек, не зли меня.

Я молча вышел в коридор. Вот змея, нашла самое уязвимое место и ужалила именно в него. Николетта – это моя матушка. Не успели мои мысли потечь в совершенно ином направлении, как зазвонил телефон. Я похлопал себя по карманам, выудил крохотный пищущий аппаратик, откинул крышечку.

– Слушаю вас.

– Вава, – раздался высокий, пронзительный голос, – голубчик, где ты?

Я невольно вздрогнул. Стоит нечистого помянуть, как он тут как тут. На том конце провода злилась Николетта. Вообще-то моя маменька носит имя Вероника, но оно ей показалось слишком простым, поэтому на всех афишах фигурировала Николетта Адилье. Фамилию Подушкина матушка категорически носить не хотела, собственная, Адилье, казалась ей более подходящей.

Хотя, если вдуматься, то поступила она очень глупо. Ее дальним предком был солдат наполеоновской гвардии, замерзавший в 1812 году на Смоленской дороге. Войска Кутузова гнали захватчиков назад, в Европу, стоял жуткий мороз, и хилые европейцы, одетые в тоненькие сюртучки и обутые в сапоги, полками гибли от холода, наши же войска, имевшие на ногах валенки, а на плечах, скорей всего, тулупы, двадцатиградусный мороз воспринимали легко.

Может быть, и погиб бы несчастный Пьер, но в деревеньке с веселым названием Большая Грязь нашлась добрая баба Марфа, пожалевшая чернявого парня с горбатым носом. Так на Руси появилась семья Гадилье, потом первая буква потерялась, и осталось Адилье. Следовательно, маменька моя из крестьян, и ее брак с представителем славного древнего рода дворян Подушкиных следует считать жутким мезальянсом.

Но все знакомые считали маменьку тонкой натурой, человеком сильных эмоций, что, в общем-то, верно. Почти все актрисы – истероиды. Только, пожалуйста, не надо считать, будто я оскорбляю племя лицедеев и называю представителей прекрасного пола истеричками.

Истероид – это тип характера, бывают холерики, сангвиники, epileптоиды (не путать с epileктиками) и истероиды, которые вовсе не истерики, хотя определенную склонность к бурному проявлению чувств имеют. Николетта обожает быть в центре внимания. Ее карьера в театре сложилась в общем неплохо. В ряд звезд матушка не выбилась, но в шеренге тех,

кто исполнял роли второго плана, занимала достойное место. Впрочем, пару раз ей достались главные роли и положительные рецензии.

В детстве я ее боялся. Вернее, совершенно не понимал, как следует себя вести с ней. Вот Николетта веселая как птичка возится в спальне.

– Вава, любимый, – душит она меня в объятиях, – ах, ты мой дорогой мальчик, котик сладенький, ну давай, мусечка, тебя поцелую.

Облизанный и заласканный, я уходил в свою комнату и мирно начинал играть в солдатиков. Вдруг дверь в детскую с треском распахивалась и влетала мать.

– Негодный мальчишка, – вопила она, – ты меня в могилу загонишь! Почему уроки не делаешь, марш к столу!

Бесполезно было ей объяснять, что все домашние задания давным-давно выполнены. Оловянные солдатiki швырялись на пол, в руки мне совали толстенную книгу, и маменька, завершившая процесс воспитания, удалялась с гордо поднятой головой. Я начинал читать подсунутый текст и даже увлекался, но примерно через полчаса Николетта заглядывала в комнату и сюсюкала:

– Вава, хочешь мороженое, эскимо? Да брось дурацкие учебники, поиграй лучше, все равно всех знаний не получишь.

И так по пятнадцать раз на день. Она могла надавать ни за что пощечин, потом кинуться со слезами меня обнимать,

купить новый футбольный мяч и тут же вышвырнуть его в окно, а потом опять нестись в магазин за другим мячиком. Контрастный душ, а не женщина! С молодых ногтей я усвоил простую истину: маменьку следует слушаться, даже если она говорит откровенные глупости. Потом, повзрослев и став умней, я больше с ней не спорил. Зачем? Самый сильный инстинкт у человека – это самосохранение, а Николетта была способна превратить в ад жизнь того, кто смел высказывать свое собственное мнение. Какие скандалы она закатывала! Какие истерики! Вытерпеть подобное поведение мог только такой святой человек, как мой отец. Впрочем, у него была своя метода борьбы с вздорной женщиной. Стоило маменьке пойти в разнос и начать крушить посуду, как папенька мигом одевался и, провожаемый яростным воплем: «Можешь сюда больше не возвращаться», – исчезал из дома.

Приходил он назад, как правило, за полночь. И утром маменька примеряла либо новую шубку, либо колечко, либо восторгалась шикарным букетом. Папенька просто откупался от нее: цветы, конфеты, колечки, браслетики, сережки, шубки. Последним, кажется, был автомобиль «Волга» «ГАЗ-21» с железным оленем на капоте. Матушка была одной из первых женщин, севших в Москве за руль. Году этак в шестидесятом она в красивой шубке, сидящая на водительском месте, вызывала настоящий ажиотаж на дорогах как у шоферов, так и у сотрудников ГАИ. В нарушение всех правил ее пропускали вперед при повороте со второстепенной

магистрала на главную, а о том, что может существовать по-
меха справа, Николетта никогда не задумывалась, потому
что чувствовала себя королевой всегда и везде.

Одним словом, папенька разбаловал матушку до невоз-
можности, а потом вдруг скончался. Первые месяцы после
его смерти Николетта вела себя как раньше, но потом до нее
дошло, что жизнь изменилась, а единственный мужчина в ее
жизни – это я.

Нора дружила с моими родителями давно и, когда ей по-
надобился секретарь, тут же предложила мне место. Теперь
Николетта чувствует себя опять прекрасно. Благодаря то-
му, что я отдаю ей большую часть своего заработка, мамень-
ка может по-прежнему собирать по вторникам подружек на
файф-о-клок, или попросту – на чаепитие. Еще у нее есть
журфикс, что в переводе с французского обозначает «опре-
деленный день». То есть каждую неделю по пятницам к ней
являются гости.

– Вава, – тархтела Николетта, – ты где?

– Дома.

– Твой дом здесь, – припечатала маменька.

– Я имел в виду у Норы.

– Немедленно приезжай.

– Куда?

– Хватит идиотствовать, – повысила голос Николетта, –
ко мне, естественно.

– Зачем?

– Вава, – ледяным тоном процедила матушка, – ты забыл? Сегодня журфикс, все в сборе.

– Но, честно говоря...

– Немедленно замолчи и приезжай, – прошипела Nicolette, – я нашла для тебя великолепную партию, чтобы через полчаса явился.

Я со вздохом сунул телефон в кресло и подошел к шкафу. У Nicolette просто маниакальное желание меня женить, и здесь мы с ней никак не можем прийти к консенсусу. Девушки, которые нравятся мне, заставляют Nicolette брезгливо поджимать губы, а от тех дам, которых сватает она, у меня дыбом встают волосы даже на ногах. Но делать нечего. Перспектива приятно провести вечер в кресле у камина, с любимой книгой в руках лопнула, словно воздушный шарик. Сейчас придется влезать в смокинг, застегивать бабочку, зашнуровывать лаковые ботинки и мчаться к Nicolette, чтобы узреть очередную кандидатку на роль госпожи Подушкиной.

Глава 7

Дверь мне открыла домработница Таисия. Тася служит у маменьки много лет, когда-то родители вывезли ее из деревни, и своей семьи у нее нет. Когда мы с маменькой враз стали нищими, Таисия не ушла от хозяев, перестав получать зарплату, да и куда ей было идти? Она превратилась в нечто непонятное, вроде компаньонки или дальней родственницы, живущей в доме из милости и ведущей в благодарность все хозяйство.

– Здравствуй, Ванечка, – сказала Тася, – давай пальтишко приму.

– Спасибо, – ответил я и вытащил из кармана шоколадку «Вдохновение», – угощайся.

– Балуеть ты меня, – зарделась Таисия, – хочешь, иди на кухню, поешь, кулебяка у меня сегодня высший класс. Тебе втихаря кусочек из серединки заначила.

– Думаешь, в гостиную мне угощенья сегодня не достанется?

– Николетта в боевом настроении. А уж тебе красоту подыскала, – захихикала Тася, – лучше послушай меня и поешь спокойно на кухне, а то глянешь на невесту и мигом аппетита лишишься.

Не обращая внимания на ее ворчание, я распахнул дверь в гостиную и обозрел окрестности.

Так, все те же лица. Две маменькины старинные подружки, находящиеся, как и Nicolette, в позднем постклимактерическом возрасте: Лёка и Киса. Естественно, у них имеются нормальные имена. Лёка, кажется, по паспорту Ольга Сергеевна, а Киса – Екатерина Андреевна или Алексеевна, точно не скажу, весь бошонд зовет их исключительно кличками. Лёка и Киса. Обе они бывшие актрисы, впрочем, что это я, актрисы никогда не уходят со сцены. Перестав играть перед зрительным залом, они делают это дома и в гостях постоянно.

– Вава! – взвизгнула Лёка. – Как ты вырос!

Если учесть, что мне сорок, это заявление пришлось как нельзя кстати.

– И потолстел, – брякнула Киса.

Я посмотрел на ее тщедушное тельце, тощенькую шейку, высывающуюся из воротничка элегантной блузки, ручки, похожие на куриные лапы... Видели когда-нибудь непотрошенных кур, лежащих на прилавках? Бело-серые тушки покоятся, воздев вверх морщинистые, желтовато-пупырчатые «пальчики». Вот напяльте на них мысленно штук шесть брильянтовых колец, на «запястье» – браслеты, покрасьте когти в кровавый цвет – и готово: перед вами рука Кисы.

Подавив вздох, я галантно улыбнулся и произнес:

– Старею потихоньку, зато над вами, милые дамы, время не властно. Наверное, знаете средство Макропулоса...

Ну вот, скажете вы, убеждал всех, что никогда не врет, а

сам... Но прошу учесть, что ложь ради получения выгоды отвратительна, светское же поведение предполагает определенную дозу лицемерия. И вообще, психологи подсчитали, что нормальный человек кривит душой примерно раз двадцать в день, причем чаще всего делает это из лучших побуждений. Ну-ка, припомните, утром у вас спросил коллега по работе: «Как дела?»

Вы что, начали ему подробно объяснять семейную ситуацию? Нет, конечно, буркнули быстро: «Да нормально», – и ушли.

Более того, если бы вы вдруг, уцепив его за лацкан, принялись рассказывать правду про жену, пилившую вас весь воскресный вечер из-за того, что соседи сделали ремонт и купили мебель, а у вас развалился диван, то скорей всего удивили бы парня безмерно и приобрели репутацию зануды. Знаете, кто такой зануда? Человек, который на вопрос: «Как поживаешь?» – начинает подробно рассказывать о своих проблемах.

– Вава, – верещала Лёка, – ты еще не женился? Это очень плохо. Семья – главное в жизни.

Если учесть, что за спиной у Лёки то ли шесть, то ли семь разводов, ее можно считать настоящим авторитетом в «брачной» области.

– Ну не нападай на него, – подала голос Николетта. – Вава, иди сюда скорей.

Я подошел и приложился к хрупкой ладошке, пахнувшей

духами.

– Добрый вечер, Николетта.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, она строго-на-строго запретила звать себя мамой.

– Наличие взрослого сына отвратительно старит, – заявила маменька, – я еще совсем молода и очаровательна, но когда на пороге появляешься ты со своим ростом и басом бубнишь: «Мамочка», присутствующие мигом накидывают мне как минимум десять лет.

Рост у меня и впрямь ого-го, около метра девяносто пяти, и мамушку я с тех пор зову только по имени. Кстати, давно собираюсь попросить ее, чтобы она перестала употреблять мое детское прозвище Вава. Останавливает только то, что Николетта не слушается или, что еще хуже, станет всех поправлять: «Ой, умоляю, не говорите „Вава“, он этого не переносит».

– Садись, Вава, садись, возьми кулебяку, – трещала Николетта, указывая на румяный пирог, – с капустой, твоя любимая.

Я на самом деле люблю Таисину выпечку, поэтому нацелился на самый аппетитный кусок, но тут Николетта дернула меня за плечо.

– Знакомься, Вава, это Люси.

Я обернулся, увидел в кресле, под торшером молодую женщину и от ужаса уронил на пол ломоть пирога.

– Вава! – возмутилась маменька. – Какой ты неаккурат-

ный! Тася, подойди сюда.

Домработница материализовалась на пороге, она посмотрела на валявшиеся на ковре куски мякиша и ошметки капусты, перевела взгляд на мое лицо и, тщательно скрывая ухмылку, заявила:

– Сейчас замету.

– Да уж постарайся побыстреей, голубушка, – недовольно процедила Николетта, – совсем не следует объяснять нам, что ты собираешься делать, главное, выполни работу.

Потом она вновь обратила внимание на меня.

– Вава!!! Это Люси!!! – И добавила уже совсем тихо: – Ты что, чувств лишился?

– Сражен ее неземной красотой, – шепнул я в ответ и двинулся знакомиться с очередной кандидаткой в невесты.

Кстати, я совершенно не соврал, внешность дамы подействовала на меня потрясающе. Таких особ, ей-богу, я еще не встречал.

Представьте себе стог сена, замотанный в эксклюзивное платье от дорогого портного. Впрочем нет, не платье, а чехол для танка из тонкого бархата, расшитый золотошвейками. Прямо на стоге без всякой шеи сидела голова с огромным количеством черных кудрявых волос. Растительности было столько, что их обладательница запросто могла победить на конкурсе пуделей. Когда-то в школьных учебниках биологии была иллюстрация «Волосатый человек Евтихийев». Люди моего поколения обязательно припомнят эту фо-

тографию. Так вот, Люси могла считаться его родственницей. Ее брови, черные, густые, сросшиеся, напоминали брови Леонида Ильича Брежнева, а мощным усикам над пухлой влажной красной губкой могло позавидовать любое лицо кавказской национальности. Думаю, что в обнаженном виде ее тело должно выглядеть экстравагантно, если она не тратит весь бюджет на эпиляцию.

Поцеловав потную руку претендентки, я сел рядом и завел светскую беседу.

- На улице холодно.
- Просто невероятно, – ответила Люси, краснея, – метет.
- Отвратительная погода.
- Совершенно согласна.
- Слишком ветрено.
- Просто с ног сбивает.
- Дорога – каток.
- И не говорите, еле доехали.
- Снег просто валит.
- Сплошной туман.
- Желаете коньяку?
- О, нет, благодарю, лучше кофе, но, похоже, его не скоро подадут.
- Для вас я готов пойти на кухню.
- Что вы, что вы, ни в коем случае.
- Желание дамы для меня закон, – заявил я и, обрадовавшись, что хоть на время избавлюсь от копны, почти побежал

к Таисии.

На столе стояла тарелка с кулебякой. Я взял кусок и про-
бормотал:

– Твоя правда, следовало сначала зайти сюда и подкре-
питься.

Тася, колдовавшая у мойки, захихикала.

– Жуткая уродина, где Nicoлетта таких отыскивает? По-
моему, она нарочно их подбирает.

– Что, Ванечка, – раздался сзади голос, – удрали от пред-
полагаемой женушки?

Я обернулся. На пороге, широко улыбаясь, стоял Лев Яко-
влевич Водовозов. Я люблю этого старика. Во-первых, он
единственный из всех знакомых, который ни разу не назвал
меня Вава. Во-вторых, он давний приятель отца, Nicoлетты
и Элеоноры. А в детстве я просто обожал Льва Яковлевича,
потому что он один мог спокойно заявить маменьке:

– Nicoлетта, отцепись от ребенка.

– Но он опять принес кучу двоек! – вопила маменька, го-
ревшая справедливым желанием надавать мне пощечин.

– Уймись, – велел ей Водовозов, – себя вспомни, у тебя в
аттестате не было ни одной четверки, сплошные «удочки».

– Лева, – отбивалась маменька, – при ребенке непедого-
гично критиковать родителей.

Но Лев Яковлевич обнимал меня за плечи и смеялся:

– Ничего, ничего, пусть знает правду. И потом, ну как он
может с такими родителями проявлять способности к точ-

ным наукам? Не тушуйся, детка, двойка тоже отметка, вот кабы ноль поставили.

– Не понравилась Люси? – веселился Водовозов. – И что только Nicolette каждый раз выдумывает! Решишь жениться, приходи ко мне на кафедру. Аспирантки, соискательницы, студентки, такая палитра...

Я не успел поблагодарить старика, так как в ту же секунду в кухню влетела Nicolette, злая, словно Баба Яга.

– Безобразие, – зашипела она, – Вава, не смей меня позорить, шагом марш в гостиную.

– Сейчас, только приготовлю кофе для Люси...

– Отцепись от парня, – вздохнул Водовозов, – захочет ярмо надеть – сам себе пару найдет.

– Лева, – процедила мать, – умоляю тебя, не вмешивайся. Вава не способен найти себе приличную партию. Он каждый раз приводит сюда нищих, безродных дворняжек! Я же нахожу потрясающие варианты, но он из ослиного упрямства все портит. Люси патологически богата! У нее такое приданое! Дом, роскошная квартира в центре, а посмотрите на ее украшения!

Я молча мешал кофе и джезве.

– Но она ему не нравится, – рявкнул Лев Яковлевич, – извини, конечно, но спать-то ему с ней, а не с квартирой.

– Лева! – повысила голос Nicolette. – Вава обязан думать не только о себе! У него есть я!

Я попытался подавить смешок, дернул ручку турки, и ко-

фе устремился на плиту, угрожающе шипя.

– Вот видишь, Лева, – ткнула Nicolette пальцем с безукоризненно отполированным ногтем в лужу, – видишь, он ничего не может, даже такой ерунды, как сварить кофе! Поэтому пусть благодарит бога, что у него есть мать. Люси – великолепная партия. Женится, а потом может спать с кем хочет!

– Дорогая, – в притворном ужасе воскликнул Водовозов, – ты толкаешь ребенка в пучину порока!

– Лева! – побагровела матушка. – Со своим сыном я как-нибудь разберусь самостоятельно. Таисия, немедленно вымой плиту и подай Люси кофе. Вава, в гостиную, живей.

Перечить маменьке нет никакого смысла. Подталкиваемый остреньким кулачком в спину, я продефилировал к гостям, уселся возле стога сена и продолжил светскую беседу.

Утром следующего дня я проснулся от стука в дверь.

– Ваняша, хорош дрыхнуть, – заявила Нора, вкатываясь в мою спальню.

Схватив бамбуковую палку с крючком, она ловко раздвинула занавески и швырнула мне на одеяло ярко-голубой дамский пуловер.

– Ну-ка глянь.

– Зачем?

– Что можешь сказать об этой вещичке?

Я помял в руках грубоватое трикотажное полотно.

– Ну, пуловер, женский. Выглядит отвратительно, но, на-

сколько я знаю, теперь такие в моде. У Риты полно таких кофт.

– Таких, да не таких, – рывкнула Нора, – Марго одевалась в бутиках, а эта тряпка стоит не дороже двухсот рублей. Прикинь, как странно.

– Что?

– Эта вещь была на Рите в день гибели.

Я вздрогнул и невольно отложил кофтенку подальше. Словно не замечая моей реакции, Элеонора неслась дальше:

– В тот день Рита надела брючки от Гальяно, колготы «Премиум», пятьдесят долларов за упаковку, эксклюзивное белье от «Дим», если скажу, сколько стоит комплект, трусики и лифчик, тебя стошнит. Повесила на шею несколько золотых цепочек, в ушки воткнула сережки от Тиффани, на запястье пристроила часики от Картье, надушилась парфюмом Живанши, имей в виду, это одна из самых дорогих и престижных фирм, влезла в сапоги от Гуччи, норковую шубейку... И дополнила ансамбль свитерочком из подземного перехода? Нонсенс!

– Может, он ей очень понравился, по цвету, например, – пожал я плечами, – берлинская лазурь! Ярко, насыщенно. Рите шли такие наряды.

– Ты плохо знаешь женщин, – вздохнула Нора, – если Маргоша нацепила на себя прикид с помойки, значит, ее вынудили к этому чрезвычайные обстоятельства. Вопрос, какие?

Она вытащила сигареты и замолчала. Я смотрел на свитерок. На мой взгляд, эту вещичку совершенно не отличить, во всяком случае, издали, от тех шмоток, которыми забиты шкафы девчонки. Мне кажется, Нора слегка преувеличивает значение этого пуловера. Ну купила девушка себе приглянувшуюся вещь, эка невидаль. Схватила кофту, прибежала к подружке и мигом переделалась. По-моему, все ясно и понятно. Вполне в женском духе, сразу нацепить на себя понравившуюся тряпку...

– Собирайся, – велела Нора, хватая свитерок.

– Куда?

– Поедешь к этой Потаповой Наташе и велишь ей прийти ко мне, прямо сейчас. Сама побалакаю с девчонкой.

– А вдруг она не захочет?

– Ты постарайся, убеди ее.

Выплюнув последнюю фразу, Нора развернула кресло и выкатилась в коридор. Я со вздохом влез в халат, открыл дверь в ванную и уставился на отросшую за ночь щетину. И женщины еще смеют стонать по поводу ежемесячных дамских неприятностей! Попробовали бы они каждое утро бриться!

– Слышь, Вава! – гаркнула Элеонора.

Я уронил станок в раковину.

– Господи, как вы меня напугали!

– Нежный ты у нас, цветок душистых прерий, – хмыкнула Нора. – Вот что, скажи этой Наташе, что бабка Риты, дама

взбалмошная и непредсказуемая, хочет отдать все носильные вещи внучки той из подруг, которая придет первой. Живо примчится.

– Вы и впрямь собираетесь это сделать?

Нора пожала плечами:

– Пусть уж лучше их доносит не слишком обеспеченная девушка. А то придется вывезти на помойку.

Честно говоря, последняя фраза слегка резанула мой слух, но Нора человек жесткий, если не сказать жестокий. Впрочем, подумайте сами, может ли быть сентиментальной дама, нажившая многомиллионное состояние исключительно благодаря своему уму и деловой хватке?

Глава 8

В институте Наташи Потаповой не было.

– Она сегодня не приходила, – сказала староста их группы, хорошенькая рыжеволосая толстушка.

Я сел в «Жигули» и набрал номер телефона.

– Алло, – ответил высокий нервный голос.

– Позовите, пожалуйста, Наташу.

– Кто говорит? – рявкнула весьма невежливо дама.

Очевидно, мать Потаповой кавалеры дочери довели до последней точки кипения. Решив ее не злить, я мирно ответил:

– Вас беспокоит дядя подруги Наташи. Меня зовут Иван, если можно, передайте ей трубочку.

– Невозможно, – буркнула тетка.

– Ее нет дома?

– Наташа скончалась.

– Что? – не понял я. – Что вы хотите сказать?

– Ната умерла, – пояснила женщина, – вчера вечером. Родители, как понимаете, в шоке.

От неожиданности я отсоединился и тут же вызвал Нору.

– Она умерла!

Элеонора, мигом сообразившая, что к чему, поинтересовалась:

– От чего?

– Не знаю.

– Так выясни.

– Как?

– О господи, Вава! Отправляйся к ней домой, расспроси родственников.

– Думаю, им сейчас не до разговоров!

– Вава, – сердито сказала хозяйка, – преступление можно раскрыть только по горячим следам. Действуй!

– Но как я войду к ним в дом? Под каким предлогом?

– О боже! Купи букет пошикарней... Разменяй сто долларов мелкими купюрами, положи в конверт. Скажешь, студенческая группа собралась на поминки. У тебя есть деньги?

– Да вы же вчера дали мне на непредвиденные расходы.

– Вот и действуй.

Ощущая страшную неохоту, я превратил одну зеленую бу-мажку в кучу голубых и розовых, выбрал восемь красных роз и покатил в район Марьино, на другой конец города.

Дверь Наташиной квартиры стояла нараспашку. В небольшой прихожей были кучей навалены сапоги, ботинки, а с вешалки буквально падали куртки, шубы и дубленки. Пахло тут какими-то сердечными каплями – то ли валокордином, то ли корвалолом.

Я потоптался у входа, потом снял пальто, ботинки и пошел на поиски хозяев.

– Здравствуйте, – сказала стройная девушка, кутившая на кухне, – вы кто?

– Да вот, – пробормотал я, показывая на букет и конверт, –

от деканата. Материальную помощь выписали, уж извините, больше не вышло.

– Значит, вы из Наташиного института, – уточнила девчонка, – из деканата? Преподаете у них?

Вот почему я не люблю врать. Стоит начать, и процесс становится неуправляемым. Одна неправда тянет за собой другую, громада лжи растет, словно снежный ком. Но делать нечего, раз принялся лгать, приходится продолжать.

– Да, моя специальность – русская литература.

– Понятно, – протянула девица, бесцеремонно разглядывая меня с ног до головы, – ясно, как вас зовут-то?

– Иван... Иван Павлович.

– Света, – пробормотала девчонка, – идите в большую комнату, там мать Наты, ей и вручите.

– Светочка, – проговорил я, – а вы Наташе кто?

– Двоюродная сестра. Наши отцы братья.

– Знаете, я очень неловко себя чувствую, просто не соображу, что и говорить в таком случае, будьте добры, сделайте милость, передайте сами родителям цветы и деньги.

– Ладно, – легко согласилась Света, – я тоже, честно говоря, растерялась. Ну как положено реагировать на смерть? Жуть берет. Хотите кофе?

– С большим удовольствием, – воскликнул я, – замерз как собака.

Минут пять мы говорили о всякой ерунде, наконец я счел момент подходящим и осторожно спросил:

– Что случилось с Натой? Видел ее вчера на занятиях, веселую, совершенно здоровую...

– Жуть, правда? – спросила Света, помешивая ложечкой темно-коричневую бурду, не имеющую ничего общего с благородным напитком инков. – Прямо оторопь берет. Говорят, тромб оторвался. Вроде у нее на ноге вена деформированная имела, сгусток отскочил и прямо в сердце.

– Это откуда такие сведения?

– Врачи сказали, вскрывали ее сегодня в восемь утра и сообщили причину смерти.

– Где же ее нашли? Ей дома стало плохо?

Света кивнула:

– Ага, на глазах у меня.

– Да ну?

– Точно. У нас сейчас в квартире ремонт, вот я и переселилась к Наташке. Вчера часов в десять лежу себе, читаю детективчик, вдруг Наталья вваливается вся бледная, прямо зеленая и бормочет: «Дай попить скорей».

Света даже испугалась, так плохо выглядела двоюродная сестра. Наташа села на диван, а Светлана кинулась на кухню за минералкой. Но когда она принеслась с бутылкой, Ната лежала без движения, навзничь. Перепуганная Света даже не сообразила сразу вызвать «Скорую помощь». Она принялась теребить сестру, а поняв, что та не дышит, испугалась так, что чуть не потеряла сознание. Словом, когда наконец появились медики, что-либо предпринять было поздно. Сла-

бым утешением для Светы послужило заявление врача:

– Спасти твою сестру могла только срочная операция, в таких случаях дело решают не минуты, а секунды. Мы бы не успели довезти ее до больницы, значит, судьба такая, карма!

Света замолчала. Я покачал головой:

– Да уж, досталось вам! Не дай бог никому пережить такое! Вы еще молодец, другая бы заболела.

Девушка прищурилась:

– Вы тоже хорошо держитесь.

– Я что! Посторонний человек, преподаватель.

Света ухмыльнулась:

– Ладно вам, я все знаю, мне Ната рассказывала.

– Что?

– Ну, про вас.

– Не понимаю, я из деканата...

Светлана вздохнула:

– Скажите спасибо, что на меня нарвались.

– Почему?

– Там, в комнатах, другие девчонки из института сидят, уж они бы точно визг подняли, дуры!

– В чем дело? – отбивался я.

– Мы с Натой учимся вместе, – спокойно пояснила Света, – и я великолепно знаю всех наших преподавателей. Русскую литературу у нас ведут три совершенно отвратительные бабищи, никакого Ивана Павловича нет и в помине. Потом, народ из деканата никогда не станет посылать розы и день-

ги, жлобье там, ясно? Так что можете не стараться и бросить ломать комедию. Очень хорошо знаю, кто вы.

Интересно, что ощущают шпионы, когда понимают истину: их раскрыли? Мне, право слово, было весьма неуютно. Но здесь пригодилось светское воспитание, данное Николеттой. Моя маменька всегда твердит:

– Главное, не выглядеть идиотом. Даже если вошел в гостиную, и брюки свалились к твоим ногам, не тушуйся, держи марку, сделай вид, что просто хотел посмешить всех. Медленно переступи через них и заяви: «Смотрите, господа, вот так теперь мужчины появляются в парижских салонах, чтобы смутить дам».

Штаны я не терял ни разу, но на откровенной лжи меня поймали впервые. Стараясь сохранить лицо, я заявил:

– Ну и зачем, по-вашему, я сюда явился?

– Вы любовник Наташи, – спокойно ответила Света.

– Кто?! – оторопел я.

– Ой, боже мой, – всплеснула руками Света, – ну хватит, говорю же, я все знаю! У Наты целых полгода длился роман с пожилым мужчиной вашего возраста, она мне все рассказала. И как вы в Санкт-Петербург катались, и как в рестораны ходили...

– Минуточку, – растерялся я, – но ведь у Наташи вроде были тесные отношения с этим парнем, Толей...

– Федотовым, что ли? Нет, они только трахались!

Современные девушки способны загнать в тупик любого!

– Погодите, – растерялся я окончательно, – ничего не понимаю.

– Вы, главное, не дергайтесь, – сочувственно вздохнула Света, – чего там! Натку не вернуть.

– Нет уж, – пробормотал я, – сделайте милость, объясните что к чему.

– Ежели хотите, пожалуйста, – пожала плечами Света.

Она начала рассказывать. Я осторожно включил в кармане диктофон и превратился в слух.

Примерно полгода назад Наташа познакомилась с обходительным мужчиной. Пожилой, прекрасно обеспеченный, он начал галантно ухаживать за девушкой. У Наты до сих пор были только кавалеры-одногодки, нищие студенты. Максимум, на что они оказывались способны, это поход в кино или покупка дешевой выпивки. Новый же обожатель вел себя совершенно по-иному. Дарил цветы, духи, водил по дорогим ресторанам, приглашал в театры. Наташе такое положение вещей страшно нравилось, и, естественно, она, давно потерявшая девственность, совершенно спокойно улеглась со старичком в постель. К тому же тот обставил «первую брачную ночь» невероятно красиво. Снял номер в отеле, и девушка оказалась в нем после шикарного ужина с настоящим, дорогим шампанским. Нате, которой до сих пор удавалось совершать сексуальные действия только второпях, либо в отсутствие родителей, либо в подъезде на подоконнике, впервые пришлось столкнуться с таким великолепием. Действие

напоминало сцену из мексиканского «мыла». Огромная кровать. Шелковое белье, джакузи в ванной, шампанское на столике. Было только одно но. Кавалер оказался импотентом. Как он ни старался, как ни помогала ему партнерша, ничего у него не получалось. Наташеньке совершенно не хотелось потерять обеспеченного «папика», и она абсолютно искренне сказала старичку:

– Дорогой, я получила потрясающее удовольствие от твоих объятий, знаешь, непосредственно сам процесс мне никогда не нравился. Всегда искала такого, как ты!

Старикашка пришел в восторг и тут же купил девице прехорошенькую золотую цепочку. Ната была очень довольна. Кавалер, объяснивший ей, что женат, мог встречаться с девочкой только раз в неделю. Остальные шесть дней Наташа была вольна делать, что хочет, а для траханья, простого и грубого, для элементарного удовлетворения молодого здорового организма имелся Толик. Вот так они существовали, все страшно довольные: старичок, Наташа и Анатолий.

– Парень-то почему радовался? – удивился я.

Света захихикала:

– «Папик» Натке денег давал, а та Толянну отстегивала. Думаю, Толька знал все про дедульку. Вот такой компот. Да вы не переживайте, новую найдете.

– Что же вы мне правду про Наташу и Толю рассказываете, если считаете, будто я любовник сестры, – поинтересовался я.

– Так вы сами про Федотова упомянули, – не полезла за словом в карман девчонка, – значит, знали все. И потом, она ведь умерла, а вы другую найдете. Кстати, вам Ната очень нравилась?

– Почему вы спрашиваете?

– Я не сумею ее заменить? – прищурилась Света и выпятила вперед плоскую грудь. – Вот уж про меня никто не сможет сказать, что я вожу любовника за нос. Я честная. Вы платите – я ваша.

Подобное понятие о честности, ей-богу, удивляет. Я не успел сказать ни слова, как Света ухватила меня за руку и зашептала:

– Ну к чему вам время тратить на поиски новой девушки? На меня гляньте.

Испугавшись, что она сейчас начнет раздеваться, я быстро сказал:

– Светлана, вы прелестны, но, к сожалению, ошибаетесь.

– Да, – вскинула бровки собеседница, – и в чем?

– Во-первых, я не подхожу вам по возрасту.

– И что из этого?

А действительно, что? Не с того аргумента начал.

– Я никогда не имел никаких дел с Наташей.

– Розы тогда зачем принесли? И деньги?

Вздохнув, я решил признаться:

– Меня наняли собрать сведения о подругах погибшей Риты Родионовой. Вы знали ее?

– Конечно, – фыркнула Света.

– Хорошо?

– Учились вместе, только Риточка со мной даже не разговаривала. Кивнет утром, и все дела.

– Почему?

– По кочану. Она богатая, мы бедные, дельфин и русалка.

– Кто? – изумился я. – При чем тут дельфин и русалка?

– При том, что они, как известно, не пара, – хихикнула Светочка, – вы радио слушаете?

– Очень редко.

– Оно и видно. А кто вас нанял?

– Бабушка Риты, Элеонора.

– А-а-а, ну-ну, – пробормотала девчонка недоверчиво, – деньги, значит, заберете.

– Оставьте себе.

Света мигом спрятала конверт в карман, я подождал, пока она одернет свитерок, и поинтересовался:

– А Наташа что-нибудь конкретное говорила о кавалере?

– Что именно?

– Возраст, например.

– Нет, упомянула только, что старый, ну вот, как вы, например.

Тяжелый вздох вырвался из моей груди. Светочке небось только-только исполнилось восемнадцать, и я, справивший сорокалетие, должен казаться ей Мафусаилом. Впрочем, кавалеру могло быть и пятьдесят, и шестьдесят, если он хоро-

шо следил за собой.

– А имя она не упоминала?

– Иван, – ухмыльнулась Света, – по странному совпадению его тоже зовут Иван, впрочем, он просил, чтобы Ната звала его Вава.

– Как? – оторопел я.

– Вава, – засмеялась девица, – правда, идиотизм!

В машину я сел в полной растерянности. Иван, да еще и Вава! Хорошенькое совпадение.

Домой я явился к обеду. Элеонора выслушала доклад, несколько раз погоняла туда-сюда запись на диктофоне и ухмыльнулась.

– Ты, оказывается, шалун! Завел с девчонкой шашни!

– Интересно, кто же это решил назваться моим именем?

– Никто, – спокойно ответила Нора, – просто того похотливого козлика, любителя свежего женского тела, тоже зовут Иван. Совсем не редкое имя для старичков.

И она весело рассмеялась.

– Но Вава?

Нора, продолжая улыбаться, подъехала к письменному столу и достала папочку.

– Ну-ка, прочти.

Я вытащил несколько газетных вырезок и уставился на подчеркнутые красным фломастером строки: «Скажи, Ваня, какое из воспоминаний детства больше всего тебя раздражает?» – «Ну, наверное, дурацкая кличка Вава, которую мне

дали одноклассники!»

– Что это? – удивился я.

– Интервью с известным эстрадным певцом Иваном Аржа, – пояснила Нора, – дальше листай.

«Почему герой вашего нового романа носит какую-то совершенно неблагозвучную и немужественную кликуху Вава?» – «Вот тут я с вами категорически не согласен. Вава – так звали меня в детстве родители. До сих пор при звуках этого имени меня обуревают счастливые воспоминания. Имя Иван мне не по душе. Скажу по секрету, жена и дочь зовут меня только Вава».

Я поднял глаза на Нору.

– А это разговор с модным писателем Иваном Потворовым. Если дальше посмотришь, там еще несколько отрывков из бесед с разными людьми на эту тему.

– Но зачем вы их собираете?

Нора фыркнула:

– Решила поработать психотерапевтом. Я великолепно знаю, как ты дергаешься, услышав «Вава», вот и решила избавить тебя от комплекса. Видишь, многих Иванов в детстве звали именно так, но кое-кому это нравилось. Так что можешь успокоиться.

– Интересно, почему?

– Тебе Николетта не объясняла?

– Ну, вроде в младенчестве, когда я только начал лепетать, на вопрос: «Как тебя зовут?», отвечал: «Вава».

– Думаю, что и у других та же история, – вздохнула Нора, – детские прозвища самые живучие. Многих Сергеев отчего-то зовут Серый, а Володей – Вованами или Вовчиками.

Я молчал. Честно говоря, Нора меня удивила. Надо же, составляла досье, чтобы показать мне.

– Ладно, – хлопнула хозяйка рукой по подлокотнику, – собирайся.

– Куда? – изумился я.

– Съездишь к этому Анатолию и порасспрашиваешь его.

– Зачем?

– Да так, – пожала плечами Нора. – Ты, главное, не спорь, делай, что тебе говорят, и все, думать стану я. Хорошо? Действуй, Вава!

Делать нечего, пришлось покориться и вновь ехать в тот дом, где жила Настя Королева.

Глава 9

Дверь в квартиру Анатолия распахнулась сразу, вернее, я даже не успел нажать на звонок, как она открылась, и на лестничную площадку вышла грузная тетка лет шестидесяти, в отвратительно грязной куртке и жуткой, клочкастой, самовязаной шапке. В руках она держала объемистую и весьма замурзанную хозяйственную сумку.

– Вы к кому? – безнадежно устало поинтересовалась женщина и подняла на меня выцветшие глаза.

Но кожа на ее лице еще не успела окончательно увянуть, и я понял, что тетка ненамного меня старше, просто она из простонародья и не слишком заботится о внешности. Ест сколько хочет, в основном макароны и хлеб с маслом, вот и превратилась в доменную печь, растеряв всякое сходство с прекрасной дамой.

– Вы к кому? – словно эхо повторила баба, ставя сумку на заплеванный пол.

– Мне нужен Анатолий.

Женщина скользнула по мне взглядом и тихо поинтересовалась:

– Из органов, что ли?

– Каких? – удивился я.

– Внутренних, – ответила она и стала методично запирать целый ряд замков, которыми щетинилась неказистая дверь.

В моем понимании внутренние органы – это печень, почки, легкие... Но баба явно имела в виду милицию. Интересно, зачем она так тщательно запирает квартиру? Насколько я успел заметить, посетив вчера Анатолия, красть там нечего, и уж совсем смешно крепить запоры на хлипкой деревяшке, которую можно элементарно вышибить легким движением плеча.

– Из нашего отделения, что ли? – бормотала баба, пряча связку ключей в карман. – Насчет заявления?

Неожиданно мой язык сам по себе брякнул:

– Нет, я из министерства, из МВД.

Женщина попятилась:

– Чего еще на мою голову?

Я страшно обозлился сам на себя. Ну какого черта соврал? А главное, как естественно, походя, сделал это! Сейчас женщина потребует документы и с позором спустит меня с лестницы. Но собеседница неожиданно навалилась телом на перила и заплакала.

– Господи, ну за что мне это? Ну чем прогневала создателя? Что же все мне говно да говно на башку льет...

Я совершенно не переношу женских слез и ощущаю себя полным идиотом, когда при мне плачут. Рыдающая баба размазывала жидкость по лицу грязно-серой варежкой, а у меня нехорошо защемило сердце.

– Ну-ну, – захлопывая я, похлопывая ее по плечу, – ну-ну, не стоит так расстраиваться, все, что нас не убивает, делает

нас только сильней.

Женщина стащила с головы шапку, мне в нос ударил запах давно не мытых, сальных волос и сказала:

– Авось помрут, сил моих нету больше.

– Кто должен скончаться?

– Да ироды мои, Толька и Гришка, – произнесла собеседница и вновь заплакала, но на этот раз тихо, поскуливая, словно обиженное животное.

– Толя дома?

– В больницу свезли вчерась, – шмыгнула баба носом и показала на грязную торбу, – вот волоку туда шмотье...

Я оглядел разбухшую поклажу и неожиданно в порыве вдохновения произнес:

– Ладно, все равно вас опросить надо, давайте довезу, говорите куда.

– Вот спасибо, так спасибо, – засуетилась женщина, – в токсикологическую, на Коровинское шоссе.

– Знаете точный адрес?

– Да он туда уж в пятый раз попадает, – сообщила она, – ой, давайте сумочку, тяжело небось.

Но я понес отвратительную авоську в «Жигули», светское воспитание страшно осложняет жизнь. Пусть бы она сама тащила потрепанную сумку, но, увы, Николетта твердо вбила в меня кодекс джентльмена.

По дороге мы познакомились.

– Анна Егоровна, – пробормотала спутница и быстро до-

бавила: – Зовите просто Нюша.

– Иван, – отозвался я.

– Что Толя-то наделал? – осторожно поинтересовалась Нюша.

– Не волнуйтесь, он просто свидетель по одному делу.

– Господи спаси, – перекрестилась женщина, – хорошо вам говорить, а я вся на нервах, только и жду, чего еще выкинет. Слава богу, хоть Гришку посадили, все спокойней стало, а то хоть из дома беги.

– Гриша, это кто?

– Муженек мой, чтоб ему сдохнуть, – в сердцах сплюнула Нюша, – вот надеюсь, на зоне придавят, говорят, там козлов не любят.

Воспитанный интеллигентными родителями, обучавшийся сначала в престижной школе, а затем в элитном Литературном институте, я редко сталкиваюсь с простонародьем. Все мои друзья принадлежат к одному кругу, в нем приняты свои правила поведения. Нет, я видел алкоголиков, наркоманов и женщин более чем легкого поведения. С одной, Ксенией Людовой, даже прожил почти целый год, пока до меня не дошло, что делю ее еще с пятеркой других мужчин. Но как следует разговаривать с Нюшей? На всякий случай я укорил ее:

– Ну зачем же желать смерти другому человеку? Это не по-христиански.

– А, не по-божески, – взвилась она, – а он со мной по-

хорошему? Нет, уж вы послушайте, чего расскажу.

Я молча повернул налево. Ну вот, началось. Отчего-то в моем присутствии большинство дам начинает откровенничать, превращая меня в жилетку для слез. Но Ньюшу уже не остановить.

– Эх, – горько жаловалась она, – еще когда мне маменька говорила: «Осторожней, Ньюша, выходи лучше за Петьку, ну и подумаешь, что у него глаза косят, зато трезвый, не чета Гришке».

Но глупая Ньюша только отмахнулась. Ей совершенно не хотелось иметь дома супруга, у которого один глаз глядит на Киев, а другой на Урал. И потом, Петька казался скучным занудой, корпел над учебниками, собирался поступать в институт, хотел стать врачом. Гришка же был намного веселей, да из себя хоть куда – кудрявый, быстроглазый, с гитарой. По нему сохло полдома, но из армии он просил ждать его Ньюшу.

Потом сыграли свадьбу, родился Толик, и потекла семейная жизнь. Гриша пил, но этот факт совершенно не смущал Ньюшу. А что, кругом все прикладываются к бутылке по субботам. Но потом хмельными в их доме стали понедельник, вторник, среда и все остальные дни недели. Естественно, работать шофером Гришка не смог. Сначала он подался в грузчики, затем в дворники, потом начал перебиваться разовыми заработками. Когда же и они прекратились, начал таскать из дома вещи, воровать у Ньюши деньги. А еще он от души колотил жену и раздавал затрещины Толику. Правда, парень

рос неплохим, учился хорошо и даже ухитрился поступить в педагогический, куда традиционно, с большой охотой, брали практически всех мальчиков. Но на первом курсе Толик тоже начал пить, причем, если Григорий шагал к алкоголизму медленно, то сыну понадобилось чуть меньше года, чтобы превратиться в законченного ханурика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.